

ЕКАТЕРИНА ВОСТРОВА

ЗЛОДЕЙКА
ПРОТИВ
ПОПАДАНКИ

18+

Екатерина Вострова

Злодейка против попаданки

<https://litres.ru/74191392>

SelfPub; 2026

Аннотация

— У нас проблемы! — произнёс кот, — Большие проблемы.
— Он сделал драматическую паузу, — Наша книга под угрозой.
Тело главной героини заняла попаданка!

Я — Эвелин Вейл, злодейка в любовном романе «Золотой лед академии Аурус».

Стерва, интриганка, соперница героини. Та, чьё предназначение — быть красивой, безупречной и в финале униженной. Но знаете что? Меня это устраивало!

Ведь книга стала бестселлером, ее читали вновь и вновь, запуская сюжет по кругу.

И я снова была королевой академии, и делала все, что захочу.

Я думала, так будет всегда. Пока однажды все не изменилось.

— Видишь ли он второй главный герой. Но похоже, попаданке Крис не нравится. А эта линия обязательна для сюжета, — кот щёлкнул хвостом.

— Мне свести их вместе? — я задумчиво почесала переносицу. — Романтический вечер, свечи, пара бокалов?..

— Нет. Просто возьми на себя роль Лили в сценах с Крисом.

— Ты с ума сошёл?! — от возмущения я чуть не пнула этого блохастого. — Он же мой мальчик на побегушках!

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Лили очень изменилась	7
Глава 2. Будущее книги зависит от Злодейки	24
Глава 3. Мальчик на побегушках	38
Глава 4. Хотела блеснуть, на чём и погорела	54
Глава 5. За себя и за того парня	64
Глава 6. Шоколад и немного цитруса	83
Глава 7. Слишком близко	98
Глава 8. Моя игра — мои правила	114
Глава 9. Учись отделять личное	128
Глава 10. Группа риска	140
Глава 11. Ещё одна сделка	152
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Екатерина Вострова

Злодейка против попаданки

ПРОЛОГ

Меня зовут Эвелин Вейл, я — злодейка в клишированном любовном романе «Золотой лёд академии «Аурус». Завистница, интриганка, которая вечно строит козни и получает по заслугам. Я не выбирала свою судьбу, но в этой истории кто-то должен быть стервой. И да, это я. Но знаете что? Я это обожаю!

Я красива, безупречна. И главное: я идеально подхожу первому красавчику академии — Люциану Дарвилю.

Все годы учебы нас считали парой: у него миллиарды за спиной и ледяной взгляд из-под платиновых волос, у меня — влиятельная семья, отличная репутация и блестящий ум. Его отец одобрил наш союз только после того, как узнал, что среди девушек я лучшая в академии.

Единственное, что омрачало мою жизнь, это Лили Адамс. Тихая бледная сиротка, что перевелась к нам на пятом курсе. К концу года она не только отбила у меня Люциана, но даже господин ректор влюбился в неё! Даже тихоня Крис, что все

годы учебы был у меня на побегушках, вдруг начал стелиться перед этой ничтожной сироткой и слушаться только её!

Как я ни старалась очернить её в глазах окружающих — в конечном итоге все обернулось против меня. Я была унижена, меня выгнали из академии. Даже родители отвернулись и вычеркнули меня из родословной, чтобы избежать позора.

Но это не помешало «добрячке» Адамс отправить мне приглашение на их с Люцианом свадьбу.

Разумеется, я не пошла. Не хотелось смотреть на её «счастливый финал».

Эпилог. Занавес.... Конец романа.

Книга стала бестселлером. её читали снова и снова, вновь и вновь запуская сюжет по кругу.

Да, для меня история кончалась не очень хорошо, но в целом меня все устраивало.

Ведь на протяжении всей книги я была королевой академии, перед которой стелились окружающие.

А расплата? Расплата всего-то на пару страниц.

Я думала, так будет всегда. Пока однажды все не начало меняться...

Глава 1. Лили очень изменилась

Пятый курс только начался, и первой парой у нас была «Политика и управление».

— Хочу пить, — лениво протянула я, тряхнув медно-рыжими волосами. — Крис, сбегай за соком. Апельсиновый. Без мякоти.

— Эм... у нас через десять минут пара, — неуверенно возразил он.

Я медленно повернула голову, изучая его взглядом. Высокий, худой, чуть сутулый, тёмные волосы падают на лоб, пряча лицо.

— Ты успеешь, — холодно произнесла, давая понять, что если он опоздает, то переживать стоит не об уроке, а о том, что я останусь без сока.

Он вздрогнул, но прежде чем подняться, едва заметно задержался, как будто хотел что-то сказать. Мгновение — и это исчезло. Только пальцы, сжавшие тетрадь, побелели от напряжения.

— Да, успею, — быстро поднялся и, чуть задев стол локтем, поспешил к двери.

Я проводила его взглядом, едва заметно фыркнув. Постучала ногтем по краю планшета — скука.

Телефоны на территории академии были запрещены. Официально — «из соображений безопасности и академи-

ческой дисциплины». Зато были планшеты — строго учебные, с ограниченным доступом к сети и предустановленными программами. Вот только в них не было ни мессенджеров, ни нормальных соцсетей, ни видео-хостингов.

Рядом со мной сидела Диана, хрупкая брюнетка, всегда идеально причёсанная, и как обычно щебетала о Люциане:

— У него на руке тот браслет с лазуритом. Это ведь ты ему дарила в прошлом году на день рождения? После того как он сказал, что твои глаза напоминают ему лазурит?

Через ряд перегнулась пухлощекая Милана Симонс, влезая в наш разговор:

— Эвелин, у тебя волосы просто потрясающие. Опять выбелила пряди в этом году? Так красиво!

Я чуть приподняла подбородок и небрежно поправила волосы — густые, медно-рыжие, с двумя белыми прядями, ярко выделяющимися на общем фоне.

— Разумеется, ведь это моя фишка, — протянула я с лёгкой улыбкой. — С моими волосами работают лучшие мастера.

— Дашь номер стилиста?

— О, дорогая, боюсь, они не берут новых клиентов.

Дверь вдруг распахнулась, заставив всех повернуть головы. Вошёл профессор Браун. И не один.

За ним показалась белокурая незнакомка. Форма академии сидела на ней так, будто еёшили на заказ в одном из домов моды, на плече — брендовая сумочка, а туфли (Да чтоб

весь её гардероб сгорел!) те самые, что я уговаривала отца купить мне на каникулах и которые папа счел «неуместными для учёбы».

Парни вытаращили глаза. Кто-то даже уронил учебник. Люциан... Люциан оторвался от рисования в тетради и уставился на неё так, будто в жизни не видел ни одной девчонки.

Мои плечи напряглись. Усилием воли заставила себя расслабиться — медленно, осторожно. В семье меня быстро научили: показывать, что тебя задело, — опасно.

— Познакомьтесь, это Лили Адамс. Её перевели к нам из академии «Ревенхол». Очень хорошие результаты, блестящие рекомендации от преподавателей. Мы рады принять её на наш поток, — вещал профессор Браун, даже его обычно монотонный голос казался сегодня оживленным.

На кого-кого, а вот на типичную ученицу «Ревенхола» эта девица была похожа меньше всего. Там же вроде бы сироты, а не фотомодели с коллекцией люксовых аксессуаров?

Кто, гром порази, она такая?!

— В начале урока будет контрольная, — продолжил преподаватель, — по материалу прошлого года.

Он повернулся к Лили:

— Лили. Мне важно оценить твой уровень. Посмотрим, действительно ли ты так хороша, как о тебе говорили в «Ревенхоле». Так что покажи все что можешь, — выражение его лица чуть посуровело.

Профессор Браун обвел взглядом класс:

— Контрольная будет состоять из двух частей. Первая часть базовая: даты, определения, ключевые имена и понятия. То, что должен знать любой студент.

— А вторая? — лениво поинтересовался кто-то с задней парты.

— А вторая — аналитическая. Свободный комментарий к законопроекту. Я выбрал тот, что обсуждался в конце лета. Посмотрим, кто из вас следил за повесткой, — губы профессора дрогнули в почти незаметной усмешке. — Всё-таки вы — будущая элита.

Договорив, он вышел, давая студентам время подготовиться до начала урока.

Студенты заёрзали. Кто-то притянул к себе планшет. Кто-то активно начал листать прошлогодние конспекты.

Я же была одной из немногих, кто совсем не переживал. «Политику и управление» я знала досконально. Всё-таки Дэниел Дарвиль — отец Люциана — имел докторскую степень по политологии. И летом, когда Люциан пригласил меня погостить в фамильном доме несколько дней, я готовилась к ужинам с его отцом куда усерднее, чем к экзаменам. Не хотелось выглядеть пустышкой. Ради того, чтобы произвести хорошее впечатление, я штудировала все, от нормативных актов до последних парламентских заседаний.

Лили тем временем, к моему немалому раздражению, вместо того чтобы пойти на свободное место (желательно в подсобке со швабрами), направилась на самую заднюю пар-

ту.

— Прости, ты не мог бы уступить мне место? — медовым голосом попросила она Зака Питерсона, сидящего рядом с Люцианом.

И что вы думаете? Зак переглянулся с Люцианом, а затем встал и ушёл. Я едва не подавилась собственным возмущением. Тьма забери, что эта новенькая себе позволяет?!

Как раз в этот момент Крис вернулся с соком. Он нёс стакан осторожно, обеими руками, но взгляд был странным: как будто он боялся разлить... или, наоборот, как будто хотел это сделать и с трудом сдерживал себя.

— Тебя слишком долго не было, — мой гнев тут же нашел выход.

— Извини. Очередь у автомата была длиннее, чем обычно, — сказал он, не поднимая глаз. Но в голосе промелькнула странная твёрдость, как если бы он пытался сдержать раздражение. Он поставил стакан передо мной.

— Убери. Я больше не хочу пить, — отмахнулась я, вынуждая парня идти на свое место.

Из-под растрепанных темных прядей показались прищуренные зеленые глаза. Он поджал губы, но возразить не посмел.

«Что это за поведение?» — пронеслось в голове с возмущённым недоумением. Он чем-то недоволен? Забыл за каникулы своё место?

В голове быстро созрел план, и я шепнула на ухо подруге,

что нужно сделать. Ди тут же поднялась, разыгрывая неуклюжесть, уронила ручку, а затем пнула её прямиком под ноги Криса, когда он оказался рядом с Лили.

Отлично! Сейчас Ди толкнёт Криса, тот обольёт Лили, и я смогу показать себя великодушной королевой, подающей руку бедной новенькой...

— Осторожно! — воскликнула Лили, сама вдруг толкнув Криса.

Брызги пошли по дуге, а весь сок оказался на Диане.

Ди замерла в полнейшем шоке.

— Ох! Какая неприятность, — Лили вскрикнула, прижимая ладони к лицу. — Я пыталась помочь... Этот парень такой неуклюжий! — она брезгливо поморщилась в сторону бледного и испуганного Криса.

Вот тут и я зависла. Дисконтные крысы! Что это было?!

Пусть Крис всего лишь мальчик на побегушках, но он мой мальчик на побегушках, как она вообще смеет сваливать на него то, что сделала сама?! Он ведь мой!

Сердце сжалось резко и болезненно. Мой. Мой...

«Ты слишком привязана, Эвелин, — сказала мне мать как-то в детстве, когда увидела, что я уже долгое время не расстаюсь с мягкой игрушкой, черно-бурым лисёнком. — Дочь Вейлов не должна так дорожить вещами. Это делает тебя уязвимой».

Когда отец отобрал игрушку и выбросил в камин, я точно так же кричала: «Нет! Он мой! МОЙ!».

Грудь сдавило, но я заставила себя выдохнуть и поднять подбородок. Сейчас не время для слабости.

И вообще, это же я придумала подставу для неё, а теперь должна наблюдать, как всё выходит из-под контроля?!

Но пока я моргала, Лили уже достала платочек и протянула Ди с самой искренней миной на свете:

— Ох, мне правда жаль.

Это ведь я хотела сказать!

Едва сдерживая ярость, я пошла в их сторону.

— Я... прости, Эвелин, — начал было Крис, — я... это моя вина. Я не заметил...

— Из-за тебя эта девушка вся в соке! — оборвала его Лили, предвосхищая мои слова. — Кстати, как тебя зовут? Я Лили, а ты...

— Диана Фокс, — представилась моя подруга.

Что-то тут было не так, но я не могла понять, что именно. И дело было даже не в том, что новенькая вела себя чересчур нагло. В конце концов, я и не таких обламывала. Но было какое-то раздражающее чувство, зудящее на уровне подсознания.

— Эвелин, я... — было видно, что Крис все еще ждет моей реакции на инцидент.

Остальные студенты смотрели на него со смешками, копируя отношение новенькой.

Крис вжал голову в плечи. До этого в гневе я частенько отвешивала ему оплеухи, вымещая злость, хоть он и был вы-

ше на целую голову. И сейчас он, чувствуя мой гнев, тоже, видимо, ожидал подобного.

— Это просто случайность. Ты не виноват, — буркнула я.

Почему я вообще это сказала? Он виноват. Еще как виноват! Как он мог позволить этой выскочке толкнуть себя! Только я имею право его толкать. Он мне подчиняется, а не ей.

Но раз новенькая пытается свалить всю вину на него, значит, я должна вступить и показать ей, кто тут главный.

Крис дёрнулся, а затем удивлённо распахнул глаза. Посмотрел так, будто у меня вторая голова выросла.

— Иди на свое место, — приказала я ему, а сама подошла к Лили. — Спасибо, что помогла Диане, — промурлыкала я. — Меня зовут Эвелин. Эвелин Вейл. Надеюсь, мы подружимся.

— Ой, я тоже так на это надеюсь, — Лили с очаровательной улыбкой с энтузиазмом принялась пожимать мне руку.

«Какая все-таки наивная дурочка!» — фыркнула я про себя, пододвигаясь ближе к её парте, и, прежде чем вернуться на место, ловко подсунула небольшой лист под её тетрадь.

Не зря всё-таки взяла с собой летние записи — схемы, которые рисовала для ужина с отцом Люциана. Тогда я пыталась визуализировать ключевые реформы последних лет и взаимосвязь между ветвями власти, чтобы не показаться глупой. Сейчас бумага выглядела как типичная шпаргалка: мелкий шрифт, стрелочки, куча терминов и дат.

Прозвенел звонок, началась контрольная. Преподаватель раздал задания. Я взяла ручку и приступила к ответам.

Мы по старинке строчили от руки. Иронично, что в академии, претендующей на статус передовой, до сих пор царствовали чернила и бумага. Вопросы были лёгкими, так что я больше думала не об оценке, а о том, как и когда именно сообщить преподавателю, что у Лили спрятана шпаргалка.

С первой частью я справилась за пятнадцать минут и даже проверила дважды, прежде чем отложить лист и взяться за вторую часть.

Там жирным шрифтом был указан заголовок: «Законопроект №334-К — об обязательном приёме в частные академии студентов из малообеспеченных семей с полным государственным финансированием».

Я скривилась. Неудивительно, что профессор Браун выбрал именно этот законопроект. Из-за него сейчас полстраны спорит, а наша академия еще до его вступления в силу добровольно влезла в пилотный проект, чтобы «поддержать социальную справедливость».

Лили, возможно, и есть та самая «показательная стипендия», о которой шепчутся преподаватели в коридоре.

Уверена, она понятия не имеет, что значит заслужить своё место.

Я прищурилась, глядя на строки задания, а затем повернулась к Ди и кивнула ей. Она уже знала, что делать.

— Простите, сэр, — произнесла она, как будто ей правда

было неловко. — Мне кажется, у Лили шпора под тетрадью.

Мистер Браун подошёл к новенькой, я уже предвкушала победу.

Вот только когда преподаватель заглянул под тетрадь Лили, он... ничего там не нашёл!

Вот дерьмо! Неужели эта стерва обнаружила мою подставу и убрала шпору?!

— Профессор Браун, — холодно сказала Лили. — Возможно, Диана просто отвлекает вас? Я, кажется, видела, как Эвелин подглядывает. Может, стоит проверить и её тоже?

Сердце дёрнулось, но я тут же подавила этот предательский спазм.

Что? Что она только что сказала? Мне не послышалось? Если бы она заявила, что я набросилась на неё с кулаками — пусть, мне плевать. Но заявлять, что я не способна написать всё сама?

В классе повисла могильная тишина.

Профессор Браун медленно повернулся ко мне.

— У меня нет шпаргалки! — воскликнула я, не понимая, о чём вообще может идти речь.

— Проверьте её манжеты, профессор, — гордо произнесла Лили.

Манжеты... эта дрянь посмела подставить меня, когда пожимала мне руку?!

Профессор перехватил моё запястье и действительно вытащил из манжеты шпору.

— Мисс Вейл... Что ж. Похоже, вам придётся прийти ко мне после уроков.

Что? Как это могло случиться?!

Я оглянулась на Люциана, пытаюсь найти поддержку хотя бы у него, но наткнулась на осуждающий взгляд. Как же так? И ведь это может дойти до его отца! Тот может запретить Люциану ухаживать за мной.

Или даже хуже, Люцан может сам больше не захотеть этого.

По телу разлился холод.

«Не дрожи. Дыши ровно», — приказала себе. В детстве, стоило принести четверку или не стать финалисткой на очередном конкурсе, и я на две недели превращалась в пустое место, с которым даже слуги не имели права заговорить.

И вот сейчас я снова чувствовала себя девочкой на семейном празднике за дверью столовой, которая слушает, как за столом все смеются, но для которой там нет места.

Нет, нет, нет... Этого не может быть, я это так просто не оставлю! Если кто-то и должен строить коварные планы — это я. Всё это неправильно, всё должно быть не так!

Эта новенькая ещё пожалеет, что перевелась к нам.

— А сейчас, мисс Вейл, пожалуйста, покиньте кабинет, пока остальные дописывают контрольную.

Я медленно встала, собрала тетрадку, ручку, аккуратно поправила воротник и, расправив плечи, медленно вышла, чувствуя, как спина горит под взглядами одноклассников.

...Я вышла в коридор, стараясь не ускорять шаг — держать осанку, подбородок, но стоило двери захлопнуться за спиной, как я привалилась к стене.

Дерьмо! Эта мерзкая новенькая пожалеет, что посмела так со мной поступить, я ей отомщу! Сегодня же!

Чтоб ей всю жизнь шопиться на одних только распродажах!

Но... как так вообще могло случиться? Как она так ловко сумела меня подставить? Будто наперёд знала, что именно я сделаю? Будто уже была готова...

Я с трудом отлепилась от стены, и в этот момент мир дрогнул.

Перед глазами заплескали чёрные точки, я вдруг поняла, что теряю равновесие. Пришлось снова схватиться за стену. На секунду — короткую, как вспышка камеры — перед глазами промелькнуло нечто странное. Затем снова и снова. Одни кадры сменяли другие, и не думая останавливаться.

Вот я сижу в классе и смотрю на облитую соком Лили, вот она же успокаивает Криса, а тот благодарно ей улыбается, вот я вижу, как профессор выгоняет её из кабинета за шпаргалку.

Я часто-часто заморгала, и картинки наконец исчезли. Но вместо них прямоком с потолка начали падать горящие листы бумаги.

— Что это за происки демонов... — ошалело прошептала я, не зная, что лучше — вжаться в стену, чтобы меня не за-

дело, или бежать с криками со всех ног подальше.

Я громко взвизгнула, когда один из листков упал совсем рядом, попыталась его оттолкнуть, но нога прошла сквозь, словно его и не существовало вовсе.

Крепко зажмурилась, до боли ущипнула себя, но когда открыла глаза, то ни падающих листков, ни огня уже нигде не было.

Может, показалось?

Я прикрыла глаза, пытаюсь успокоиться. Это всё из-за стресса. Меня просто впервые в жизни так унизили прямо при всех. Это психологическая защита, да? Так говорят в статьях. Мозг дорисовывает, как всё должно было быть, чтобы не умереть от позора. Вот и скачет всякое перед глазами. А огонь... Ну это просто потому, что я хочу эту новенькую сжечь.

Следующим уроком была физподготовка. Парни и девушки занимались отдельно — на соседних полях, разделённых формально, но прекрасно просматриваемых с любого угла. В этом и был смысл: показывать себя, сравнивать, оценивать и, конечно, производить впечатление.

Сегодня на спортивном поле я должна быть лучше, чем когда-либо. Даже если внутри всё ещё горит от ярости, снаружи я должна быть холодной как лёд — и вдвойне опасной.

Не пойти ли заранее размяться, раз уж сейчас есть на это время. Или лучше направиться в библиотеку? Еще раз повторить сегодняшнюю тему и после уроков подойти к про-

фессору Брауну. Возможно, удастся убедить его, что произошедшее — недоразумение. Чья-то глупая шутка, не более.

Если не пересдам — мне не видать первого места в рейтинге.

«Значит, всё-таки библиотека», — решила я, сворачивая в сторону нужной лестницы, как вдруг впереди по коридору прошёл кот.

Чёрный, с блестящей шерстью, он двигался так уверенно, будто был полноправным обитателем академии.

Это что, ещё один глюк?

Тут же строго запрещены животные. Ни кошек, ни собак, ни даже декоративных мышей в коридоре быть не должно.

Тут кот обернулся и посмотрел на меня. Я сделала шаг вперёд и тогда заметила на его шее блестящий медальон, и не простой, а словно взятый из последней ювелирной коллекции модного бренда.

Значит, кот не бродячий? Любопытно... Быть может, его тайно провёз кто-то из студентов? Если узнаю, чей он, можно будет шантажировать хозяина, заставить помочь мне в осуществлении плана мести новенькой выскочке.

От одной этой мысли во мне шевельнулся знакомый хищный азарт, которому удалось заглушить липкий холод внутри, страх, что моё место могут отдать кому-то другому.

Я подошла к животному, но стоило наклониться, как кот юркнул вбок и исчез за приоткрытой дверью технического прохода в служебный коридор.

Я осторожно заглянула внутрь, свет впереди был тусклым, тянуло сыростью и пылью.

— Кис-кис-кис. Иди сюда.

Не успела договорить, как что-то резко потянуло меня вперёд, дверь за спиной со щелчком захлопнулась. От неожиданности и испуга я завизжала.

— Да тише ты, — произнёс протяжный голос. — Чего орёшь, будто тебя сожрать хотят? Люди такие громкие, когда сталкиваются с элементарной метафизикой...

Я обернулась, но не увидела никого, кроме чёрного кота, сидящего на бетонном полу в шаге от меня.

— Кто тут?! — крикнула в пустоту узкого коридорчика.

— Я тут, — сказал кот.

Я несколько раз моргнула.

Пожалуй, не в библиотеку надо, и не в спортзал. В медицинский корпус...

— Ты кот? — на всякий случай уточнила я с неожиданным для самой себя спокойствием.

— Сама ты кот, — оскорбился он и даже выразительно махнул хвостом. — Вообще-то я зам автора.

— Зам? Это типа... заместитель?

— Зам — это замысел, — закатил глаза кот, словно я была той ещё тупицей. — Замысел автора. А форму кота принял исключительно из соображений удобства. Чтобы ты могла меня узреть. Если бы я явился в своём подлинном виде, ты бы не выдержала. Я слишком грандиозен, понимаешь?

— Конечно, понимаю, — согласилась я, хотя на самом деле не понимала ни на грамм.

— В общем, так, — вздохнул кот, — дай сюда лапу.

Я поколебалась, но руку всё же протянула.

— Это абсурд, — пробормотала я, — полный абсурд...

Но стоило коснуться мягкой шерстки, как всё исчезло. Коридор, пыль, запахи, сама реальность, словно кто-то ненадолго выдернул меня из моего же тела, но лишь затем, чтобы почти сразу вернуть туда обратно.

Сначала лёгкий странный шум в ушах, а затем полная ясность.

Я — персонаж. Героиня романа. Главная злодейка. Та, чей финал уже написан. Я буду строить козни и проиграю, буду унижена и опозорена. Но после того как все случится, история начнётся снова. Моя память очистится, а я опять вернусь к себе прежней — живущей свою лучшую жизнь. Гламур, власть, внимание, статус. И так снова и снова.

Я, тяжело дыша, отдернула руку, а взглядом уткнулась в бетонный пол.

Мне не было страшно. Не было ужаса, паники, желания бежать.

Было только необъяснимое ощущение правильности.

Будто я всегда все это знала. Конечно. Всё сходится.

Да. Я — персонаж книги.

Но...

— Зачем ты это показал мне сейчас? — прошептала я, наконец посмотрев на кота. — Разве я не должна вспомнить об этом позже? После финала?

Кот посмотрел на меня серьёзно. Настолько серьёзно, насколько вообще может смотреть кот.

— Затем, что у нас проблемы, — произнёс он. — Большие проблемы.

Он сделал драматическую паузу.

— Наша книга под угрозой. Тело главной героини заняла попаданка!

Глава 2. Будущее книги зависит от Злодейки

Я не сразу поняла, о чём вообще говорит этот Заместитель. Попаданка? Но ведь мы в книге, во много раз уже повторявшемся сюжете. И пусть этот самый сюжет я сейчас почти не помнила, потому что после каждого цикла память «обнулялась», но точно знала, что всё это уже было много раз. Разве что-то могло пойти не так?

— Ты уверен? — нахмурилась я. — Кто-то извне занял место главной героини?

— Совершенно верно, — кот надменно кивнул и не спеша начал вылизывать переднюю лапу, будто разговор со мной не заслуживал особого внимания. — Настоящая Лили Адамс где-то там... за границей текста. А её оболочку заняла попаданка, да ещё и хорошо знакомая с нашей книгой. Она знает каждый ход, каждую сюжетную ловушку автора. И, боюсь, даже тебя знает лучше, чем ты сама.

— Проклятая выскочка! — воскликнула я, хватаясь за голову. — Почему тогда ты разбудил только меня?! Надо было встряхнуть всех: Крису, Диану, даже этого ледышку Люциана! Вместе мы бы...

— ...окончательно всё испортили, — сказал он с каменной серьёзностью, резко остановив вылизывание и подняв на

меня внимательный янтарный взгляд. — Да и вообще, у меня на то, чтобы тебя пробудить раньше времени и при этом удержать баланс мира, едва сил хватило. Даже если помечтать, что я сумею разбудить остальных, сюжет попросту рассыплется.

— Ну и пусть! — с вызовом бросила я. — Какая разница, если после финала всё равно всё начнется заново? Сюжет перезапустится. Может быть, тогда настоящая героиня вернётся, и проблема попаданки решится сама собой.

— Нет! — рявкнул кот. Его хвост нервно дёрнулся из стороны в сторону. — Если история сойдёт с рельсов, если всё пойдёт не так, как записано, и ключевые события не случатся, то книга перестанет быть книгой. И знаешь, что тогда? Она не начнётся сначала. Она станет реальностью. И ты навсегда останешься той Эвелин, которую выгнали из академии, унизили, а затем ещё и вычеркнули из семейной родословной. Без права на «повторить».

Я окаменела.

— Навсегда?.. — прошептала я, чувствуя, как кожа на руках покрывается мурашками. — Сюжет не перезапустится? Да ты издеваешься надо мной! Просто смеёшься!

— Хотел бы я сейчас просто посмеяться, — кот понизил голос. — Думаю, ты уже поняла, почему я разбудил именно тебя. Из всех героев книги ты больше всех заинтересована в том, чтобы не дать попаданке испортить сюжет. Нужно во что бы то ни стало пройти все ключевые сцены и довести

книгу до финала. Иначе...

Он замолчал, остановившись на полуслове, и напряжённо дёрнул усами, как если бы принюхивался к опасности.

Я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, воздуха не хватало, словно я только что пробежала марафон в своих лучших шпильках.

Горло стянуло, стало сложно дышать. Я всегда знала, если оступлюсь, родители не будут колебаться. У них есть двое идеальных старших сыновей, а потому от меня легко можно избавиться, если не буду соответствовать их требованиям.

Однажды они уже даже были близки к этому, в детстве, когда я сильно их разочаровала...

Я выдохнула и стиснула кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Значит, если я не хочу, чтобы плохой конец остался со мной навсегда... — голос дрожал под наплывом непрощенных воспоминаний, но внутри уже поднимался привычный холод. Тот самый, который спасает, когда мир рушится. В конце концов... всё это не настоящее. Всего лишь сюжет, прописанный автором.

— Я должна помешать этой маленькой кры... этой попаданке?

«Только вот что, Эвелин. Если ты проиграешь, эта реальность уже не будет книгой, — шепнул внутренний голос. — Она останется с тобой».

— Верно, — кивнул кот. — Нужно не дать испортить клю-

чевые сцены. Следить, чтобы они случились. Так или иначе.

— Но как мне это сделать? Я ведь их не помню! — голос против воли выдал паническую нотку.

Кот лениво потянулся, выгнул спину и зевнул так демонстративно, что зачесались руки его встряхнуть. Он облизнул лапу, провёл по уху и только потом удостоил меня насмешливым взглядом.

— Не переживай, я помогу с подсказками, — миролюбиво протянул он, явно не спеша. — Немного.

— Немного? Немного?! — у меня перед глазами потемнело от возмущения. — Ты издеваешься?!

Кот даже ухом не повёл. Он снова начал вылизывать лапу, как будто я была для него фоновым раздражителем.

— Слушай сюда, ты, котяра! Может быть, моё благополучие и зависит от того, справлюсь ли я, но есть кое-кто, кто заинтересован в сохранении сюжета ещё больше.

— Да? И кто это? — протянул он с ленивой задумчивостью, при этом зевая и вытягиваясь на полу.

— Если книги не будет, если сюжет окончательно развалится, то и замысла автора тоже не будет! — я резко шагнула к нему, и кот, к моему удовлетворению, отпрянул. — На карту поставлено не только моё будущее. Но и твоя жизнь, Заместитель! Так что больше всех заинтересован должен быть ты!

Хвост его дёрнулся, глаза сузились.

— Во-первых, я — замысел. Великий и ужасный. Во-вто-

рых, ты слишком много говоришь для второстепенного персонажа, — процедил кот.

— А ты слишком много ленишься для того, кто рискует исчезнуть! И раз автора рядом нет, то ты как раз его заместитель, — я прищурилась. — Так что перестань изображать из себя благодетеля, который делает мне одолжение, и начни говорить нормально!

Кот на секунду замер, усики дрогнули. Потом он шумно выдохнул.

— Хорошо, Ви-Ви, — пробурчал он недовольно, но взгляд уже стал серьёзным.

— Какая я тебе Ви-Ви, я Эвелин!

— Все вопросы к автору, это он так твое имя сократил, но потом это вырезали при редакции.

На это я даже не нашла что ответить.

— В любом случае, я помогу тебе. По-настоящему. Но ты должна слушаться и соблюдать правила игры.

— Правила всегда можно переписать, — холодно усмехнулась я. — Говори, когда ближайшая ключевая сцена и что я должна сделать.

— Ты такая нетерпеливая... — протянул он.

— Если не заговоришь через секунду, спущу на тебя стаю собак!

— Связался со злодейкой на свою голову... — пробормотал он. — Ладно, слушай. Первая ключевая сцена уже на подходе. На твоём следующем уроке, физподготовке.

— Уже? — я расправила плечи.

— Именно, — кот зевнул, но уже без прежнего ленивого тона. — По сюжету преподаватель устроит соревнования по бегу среди девчонок и парней. Те, кто выиграет, станут капитанами и смогут выбрать учеников для команд по волейболу, которые сыграют друг против друга.

— Ух ты! На сегодняшнем уроке нас объединят с парнями, — я мечтательно улыбнулась. Отличный шанс показать себя во всей красе. В голове тут же начала выстраиваться картинка: ветер играет моими яркими волосами, я несусь впереди всех, и Люциан смотрит только на меня...

— Да, поэтому... — кот прервал мои грёзы резким фырканьем. — Когда будете бегать, ты подставишь подножку Лили. Она упадёт, повредит ногу и не сможет играть. Преподаватель отправит Криса проводить её в медпункт. Ему, кстати, тоже прилетит мячом — так что оба будут освобождены до конца урока.

— Отправить выскочку в медпункт? — я вздёрнула подбородок, уголки губ изогнулись в коварной улыбке. — Проще простого.

Студенты и студентки рассредоточились по соседним площадкам: кто-то лениво тянулся, кто-то уже наматывал круги по траве. В воздухе витал запах свежескошенной зелени и дорогой парфюмерии, а мои девочки — моя свита — щебетали рядом, изображая беззаботность.

Пухленькая Милана Симонс, чьей семье принадлежало горнодобывающее предприятие, разглядывала разминающихся парней, закусив губу. Не похожие друг на друга двойняшки Вайолет и Софи, дочери кофейного магната, громко обсуждали оттенок своего блеска для губ и спорили, какой лучше — коралловый или персиковый. А Диана Фокс, наследница торговой империи, жаловалась мне, что в академии пришлось остаться без любимого мопса.

— Я уже скучаю по нему, Эвелин! — вздохнула она, — Говорят, животные отвлекают от учёбы... но по мне это чушь собачья. Почему тут такие дурацкие правила? Я даже хотела привезти моего Пухлика тайком.

Я участливо покивала, но на самом деле почти её не слушала. Казалось, в каждом взгляде, в каждой едва заметной паузе между фразами от подруг я улавливала странную неловкость. Словно они говорили всё это, а сами думали лишь о том, как преподаватель поймал меня на той дурацкой шпаргалке.

Я уже сказала, что вся эта история — глупое недоразумение. Что я улажу всё и мне ничего не грозит. Они кивали, улыбались... но за их улыбками мне чудилось колебание. Ещё немного — и они решат, что Эвелин Вейл больше не королева академии!

Паранойя? Может быть. А может, и нет.

Что, если я облажаюсь и не спасу сюжет? Тогда это будет новая реальность, в которой я просто неудачница? Внутри

всё стянуло холодной петлей.

Я подняла голову и заметила Лили — всего в паре шагов. Она поправляла светлые волосы, забранные в высокий хвост, и выглядела так безупречно, что утихшая было злость вновь захватила меня. Поднялась откуда-то снизу и горячей волной обожгла рёбра, разлившись горечью в горле.

На ней был настолько дорогой и стильный спортивный костюм, что я едва удержалась, чтобы не зашипеть вслух. Тонкая ткань сидела идеально — как в рекламных роликах, где модели пробегают по пляжу под музыку.

Крысы дисконтные! Ну откуда у этой сиротки деньги на такую роскошь? Банк ограбила?

Пальцы подрагивали от бешеного желания стереть с лица новенькой уверенное беззаботное выражение.

«Отправить выскочку в медпункт», — повторила про себя, что нужно сделать.

От напряжения я вся собралась в одну упругую пружину. — Всем внимание! — крикнул преподаватель со свистком на груди. — Сейчас устроим небольшой забег! Победители станут капитанами и выберут команды. А затем сыграем в волейбол: девушки против парней.

Первым устроили забег для парней. Его ожидаемо выиграл Люциан. Ну а Крис пришёл почти самым последним.

«Неудивительно, что последний раз он так долго бегал мне за соком!» — язвительно подумала я, делая мысленную пометку пройтись по нему на тему того, какой он медлитель-

ный.

Следующий забег был девчачий.

— На старт! — рывкнул преподаватель. — Марш!

Мы рванули с места.

Сначала всё шло как надо: я уверенно набирала темп, дыхание ровное. Вот только Лили... бежала впереди. От каждого движения хвостик на её затылке раскачивался туда-сюда.

«В тело Лили Адамс вселилась не попаданка, а скаковая лошадь?» — я сжала кулаки, подгоняя себя.

Мышцы в ногах горели, лёгкие начали просить о пощаде, но я не могла позволить себе сбавить шаг. Остальные студентки остались позади. Нужно было обойти лишь эту наглую сиротку.

Ещё пара рывков — и всё, я впереди! Я уже ощущала сладкий привкус победы...

Как вдруг Лили словно случайно скользнула рукой к карману и будто поправила костюм. Движение было быстрым и скрытым за корпусом, так что выглядело совершенно естественным.

Что-то блеснуло в траве у меня под ногами. Под ногой хрустнуло — и я успела заметить, как несколько крупных стеклянных осколков рассыпались по траве, сверкая на солнце.

— Крысы... — вырвалось у меня, когда кроссовок наскокил на острый край.

Боль пронзила ступню как раскалённая игла. Я едва не за-

кричала.

Стекло? Откуда...

Впрочем, я же персонаж книги. Если сюжет требует страданий, то героиня их получает. Вот только я-то не героиня, а злодейка!

Рухнула на траву, боль разошлась по ступне горячей волной.

— Эвелин? — послышался сзади обеспокоенный голос Дианы.

Стиснув зубы, я дрожащими руками стянула кроссовок и увидела, как один из осколков застрял в тонкой подошве, пробив насквозь и впившись в ступню. Безумно стильные, но такие бесполезные кроссовки с мягкой подошвой.

«Отличный выбор, Эвелин, просто аплодисменты!» — ехидно прокомментировал внутренний голос.

Не давая себе времени на раздумья, я резко выдернула стекляшку. На траву капнула кровь, а по ступне разошлась пульсирующая волна жара.

А Лили... эта дрянь даже не обернулась. Она неслась вперёд с прежним ритмом, будто ничего не случилось.

Она знала. Знала мой план и переиграла меня.

Я натянула обувь обратно и вцепилась пальцами в траву, пытаюсь подняться. В ране вспыхнула боль, но злость была сильнее.

Лили Адамс, ты раскопала свою могилу. И я собственноручно уложу тебя в неё!

Рядом со мной с глухим стуком упал мяч. Я даже не сразу поняла откуда: на соседнем поле парни, ожидая окончания девчачьего забега, начали тренировать подачи между собой.

«Отправить выскочку в медпункт...» — я поняла, что больше не хочу играть в изящные игры.

Если нельзя красиво, значит, будет грубо.

Схватив мяч обеими руками, я поднялась на одно колено. Лили была всего в метре от финишной линии. Боль в ноге жгла, но обида от поражения жгла сильнее.

— Ты не пересечёшь эту линию, — выдохнула я и, вложив в бросок всю злость и силу, швырнула мяч.

Тот со свистом рассёк воздух и угодил Лили прямо в затылок. Глухой удар, короткий вскрик — и она как кукла рухнула на траву всего в полушаге от финиша.

Остальные студенты ахнули, а я широко распахнула глаза, изображая дурочку:

— Я... я хотела вернуть мяч. Видимо, от боли в ноге глазомер совсем сбился, и он полетел не туда...

Преподаватель подскочил к нам:

— Вы что здесь устроили?!

Он нахмурился, скользнув взглядом по моим кроссовкам и заметив на траве осколки.

— Чёрт побери... На дорожке стекло?! — он наклонился, подцепил пальцами блестящий кусочек и нахмурился. — Хм... похоже, осколок защитных очков для стрижки газона. Кто там у нас отвечает за уборку покрытия... лучше им сра-

зу заявление на увольнение писать...

На его лице заходили желваки:

— Так, а вы обе в медпункт, живо!

Я прикусила губу. Стоило ли сказать, что это Лили подбросила осколки? Но даже я сама толком не видела её движения, это был лёгкий жест рукой, и всё. Наступи я чуть иначе, не заметила бы. Для остальных это выглядело как обычная случайность.

Пришлось заставить себя промолчать, чтобы не выставить себя истеричкой, но внутри медленно поднималась холодная ярость.

Едва я попыталась встать и сделать шаг, как боль пронзила ступню до самой макушки.

— Я... не могу идти, — выдавила я сквозь зубы.

Преподаватель обернулся к парням на соседней площадке, пробежал взглядом по лицам и задержался на Люциане. Тот по-прежнему выделялся среди остальных. Но затем преподаватель перевёл взгляд и, с лёгким раздражением скользнув по рядам, остановился на Крисе.

— Корвин! Хотя бы тут сумеешь пригодиться. Раз уж на забеге оказался последним. Отведёшь Вейл в медпункт.

Крис на это лишь кивнул и подошёл ко мне, подставляя руку.

— Да, конечно, я помогу, — пробормотал он.

— Хорошо, — кивнул препод. — И Лили тоже.

— Голова... так гудит... Профессор, боюсь, Кристофер

один не справится, если на нём повиснут две девушки. Можно попросить Люциана помочь мне? — Лили, поднявшись, демонстративно приложила ладонь к затылку и состроила страдальческое лицо. — Он выиграл забег, значит, самый сильный среди остальных.

Я вздрогнула, как от пощёчины. Люциан? Эта наглая выскочка ещё смеет просить МОЕГО Люциана?!

Но еще болезненнее оказалось то, что Люциан медленно, без единого слова подошёл к Лили и протянул ей руку. Даже сейчас, слегка взлохмаченный после бега, парень выглядел великолепно.

Внутри что-то болезненно сжалось. Он должен был быть рядом со мной. Держать мою руку. Смотреть только на меня!

Я резко оттолкнула Криса, который всё это время поддерживал меня за локоть.

— Я пострадала сильнее! У меня проткнута нога, кровь течёт! Разве это не очевидно? Люциан, давай ты меня проводишь, хорошо? — я добавила в голос меда. — А Крис поможет нашей новенькой.

— Что за цирк?! — рывкнул преподаватель, потрясая свистком. — Вон с поля, все четверо! Идите в медпункт немедленно! Не собираюсь я разбираться, кто из вас здесь кому будет помогать!

Люциан растерянно взглянул на меня, будто только сейчас заметив, но не стал спорить с преподавателем, поспешно уводя Лили. А та, довольная, изобразила дрожь в коленях и

прижалась к нему.

— Эвелин... — нерешительно подал голос Крис.

— Сама справлюсь! — огрызнулась я, и он мгновенно втянул голову в плечи, как испуганный щенок.

Я попробовала идти сама. Каждый шаг отдавался резкой болью в ноге, но понимание, что Лили и Люциан отдаляются всё сильнее, добавляло выносливости.

Что она там ему шепчет?

— Эвелин... — снова позвал Крис, семеня рядом, но я не удостоила его взглядом.

— Молчи, — приказала я.

Он замолчал, и мы так и шли — я, хромая и яростно стискивая зубы, и он, понурый и напряжённый, боящийся дышать громче, чем нужно.

Глава 3. Мальчик на побегушках

Коридор тянулся длинным пустым тоннелем, лишь изредка прерываясь высокими окнами.

Лили и Люциана уже не было видно. Наверняка она там сейчас строила из себя страдальцу, чтобы благородный красавчик «пожалел» её.

Стоило особенно неудачно наступить на больную ногу, как всё моё самообладание треснуло.

— Кошки драные! — вскрикнула я, согнувшись от боли. — Ладно! Разрешаю! Дай уже свою руку!

Крис не ответил.

— Ты что, оглох?! — сорвалась я. — Помоги же наконец!

Я обернулась, готовая взорваться, но бранные слова так и остались в горле.

Крис стоял с поднятой ногой, будто замер на середине шага. Его глаза были широко распахнуты и совершенно пусты.

— Что за... — начала я и вдруг заметила в углу коридора кота. — Заместитель, — прошипела я. — Ты что, умеешь останавливать время? Почему тогда не остановил его, когда Лили бросила мне стекло под ноги?

— Одно дело — остановить ход сцены, когда в ней два человека, — кот лизнул лапу. — Другое дело, когда целый класс.

— Тогда зачем ты сейчас здесь? — я шагнула к нему, пло-

хо сдерживая раздражение.

— Тебе нужно было отправить Криса и Лили в медпункт.

— И в чём проблема? — я вскинула бровь. — Лили идёт в медпункт. Крис идёт в медпункт. Ну и что, что по отдельности?! Какая разница? Я сделала всё, о чём ты просил.

— Разница огромная, — кот осклабился. — Раз сделала всё неправильно сама — и отдувайся сама. Должна была состояться ещё одна ключевая сцена, в которой Крис проникается симпатией к Лили, которая заботится о нём в медпункте. Ведь это он должен был получить удар мячом. Чтобы сюжет не сломался, Крис всё равно должен проникнуться симпатией, о нём всё равно кто-то должен заботиться. Если не к Лили... то хотя бы к тебе.

— Ко мне? — я рассмеялась. — Да он и так меня обожает. Уже пятый год все мои приказы выполняет. Что ещё надо?

Кот нахмурился, усы дрогнули.

— Приказы — это не симпатия, Ви-Ви. Это подчинение. Причём вынужденное. Напомнить тебе, как так вышло, что он стал твоим мальчиком на побегушках? А мне нужна настоящая привязанность, искра. Разрушишь этот момент — разрушишь весь сюжет.

Настоящая привязанность? Крис? Я чуть не фыркнула, но кот смотрел так серьёзно, что стало не по себе.

— Ладно... — выдохнула я, стиснув зубы.

Кот довольно шевельнул хвостом.

— Для начала... перестань на него рычать.

Я сузила глаза, глядя на блохастого зазнайку.

— Перестать рычать? — переспросила я с опасной мягкостью в голосе. — Ты хочешь, чтобы я тут, хромая, унижалась перед ним? Может быть, мне самой начать ему прислуживаться?

— Мр-р-яу! — кот вдруг громко мяукнул и, пружинисто подпрыгнув, сорвался с места. Когти чиркнули по паркетному полу, и через секунду он уже скрылся за углом.

Я едва не заорала от злости.

— Вот же шерстяная пакость! — зло выдохнула я, но не договорила, так как в меня врезался отмерший Кристофер.

Я резко вцепилась в его рубашку, чтобы не упасть. Он инстинктивно обнял меня за талию, поддерживая.

— Не смей меня трогать! — я взвилась как ошпаренная и оттолкнула его с такой силой, что он чуть не споткнулся. — Я девушка Люциана!

Крис застыл, его лицо побледнело.

— Прости... это случайность, — произнёс он глухо. — Я ни за что бы не стал тебя трогать.

Он поморщился, и в этот момент мне показалось: он так говорит не потому что боится меня — как ему и положено бояться, — а потому что... само прикосновение ко мне ему неприятно?

Внутри будто щёлкнул выключатель.

Стоп, Эвелин.

В тебе говорят эмоции твоего персонажа. Ты играешь

роль, помнишь? Вот избавишься от попаданки, доведёшь сюжет до финала, перезапустишь благополучно историю, и тогда снова сможешь делать всё что захочешь. А сейчас нужно думать, как успешно пройти ключевую сцену!

Я глубоко вдохнула и натянуто улыбнулась, пытаюсь убрать с лица остатки ярости.

— Ничего страшного, я не сержусь. Пойдём в медпункт, Крис, — произнесла я даже мягче, чем рассчитывала.

Он поднял глаза, настороженные, будто ждал подвоха, но после короткой паузы кивнул.

Я шла, пытаюсь придумать, как бы все повернуть. Заместитель сказал, чтобы сюжет не сломался, о Крисе всё равно кто-то должен позаботиться.

Но как мне о нём заботиться, если он не получил никаких травм?

— Эм... Крис, — начала неуверенно. — Горло не першит? Насморк? Температура?

— У меня? — Крис озадаченно ткнул в себя пальцем. — Всё нормально.

— Отлично, отлично, — я кивнула, изображая заботу. — А учёба? Успеваешь по всем предметам?

Он остановился и уставился на меня, прищурившись.

— Эвелин, год только начался. У нас пока была одна пара.

— Вот именно! — я произнесла как строгая наставница.

— Новый учебный год — это всегда стресс.

Затем тряхнула головой.

— Тебе не жарко? Спортивная форма у тебя довольно плотная, вдруг ты перегрелся?

— Хочешь, чтобы я её снял? — спокойно сказал он. — В прошлом году зимой ты выгнала меня на снег в лёгком пиджаке. Мотивируя это тем, чтобы я «не перегрелся». А сейчас что? Догола заставишь раздеться? Не боишься, что повредит твоей репутации в первую очередь? Если хочешь выместить на мне свою злость, подожди хотя бы до вечера.

Вот, значит, как... Он смеет напоминать мне такие глупые мелочи? Не хочет моей заботы? Прекрасно! Тогда я тебя о ней заставлю молить!

В голове уже начал выстраиваться план. Что ж, дорогой Крис... Если ты не ранен — я сделаю тебя раненым.

— Идём.

Мы почти дошли до медпункта, когда я заметила у стены деревянную панель с торчащим углом. Идеально.

— Ай, — я сделала вид, что неудачно наступила на ногу, слегка наклонилась, а затем ловко подставила Крису подножку и толкнула плечом.

Парень споткнулся, едва не упал, но успел выставить руку, больно ободрав ладонь о шершавый край панели.

— Крис! — я тут же подалась к нему. — Ты поранился! Это я виновата! Позволь помочь тебе...

Я потянулась к нему, но он перехватил мою руку так резко, что пальцы заболели.

— Ау! — я вскинула глаза. — Крис?

Грудь парня часто вздымалась. Щёки побледнели, на скулах проступили резкие тени.

— Тут никого нет, — глухо сказал он.

— Как никого? — я моргнула. — А ты?

— Если этот спектакль для меня... то не надо.

— Не понимаю, о чём ты, — сладко протянула я с лёгкой обидой, словно он ранил мои чувства. — Я просто хочу позаботиться о тебе.

— Ты сама же меня и толкнула.

— Это было случайно, — улыбнулась я, опуская голос до ласкового шёпота. — Прости, что так получилось. Позволь искупить свою вину...

Я уже предвкушала, как разыграю чувство заботы так, что даже бестолковый котяра заплодирует стоя.

Но Крис не отпускал.

— Эвелин... тебе не кажется, что это уже слишком?

— О чём ты? — я моргнула, чувствуя, как мой идеальный план даёт трещину.

— Пытаешься через меня вызвать ревность Люциана?

— При чём тут Люциан?! — я вскинула подбородок.

— Вот и я не понимаю, — его голос стал ровным, но в нём чувствовалась сталь, которой раньше не было. — Его здесь нет.

— Крис...

Я растерянно моргнула. Где тот послушный мальчик, ко-

торый пять лет назад был согласен на всё, лишь бы не вылететь из академии?

На первом курсе всё было проще. Мы с Дианой пропустили лабораторку и упросили преподавателя пустить нас додевать её вечером, внеурочно, под мою ответственность. Казалось бы, что могло пойти не так?

Но это была Диана. Она притащилась с пакетами напитков — «для вдохновения» — и разлила липкий коктейль на дорожный демонстрационный стенд. Аппаратура стояла как пара этажей её семейного особняка. Тогда мы ещё не были так близки. Её родители могли бы оплатить убытки, но девочке бы досталось, причём крепко. Они у неё всегда были очень строгими.

Убыток могла бы покрыть я, у меня были накопления: часть тех денег, что отец выдал на год вперёд, призовые с музыкальных конкурсов, которые я выигрывала ещё в школе, кое-что откладывала после поездок за границу на стажировки и выступления. Но и это не спасло бы от последствий: ведь я сама попросила пустить нас под мою ответственность. Кто из преподавателей после такого стал бы мне доверять?

Так в моей жизни появился Крис. Тихий первокурсник, который всегда сидел в углу и ловил каждое слово на лекциях. Я слышала, что ему повезло попасть в академию — ещё до краха семьи. Его отец когда-то основал перспективный высокотехнологический стартап, но, по слухам, перешёл дорогу не тем людям. Компанию отняли, бизнес разрушили, а

у отца случился инфаркт прямо на рабочем месте. Связей у них не было, поэтому никто не помог. Говорили, в академию Криса уговорила поступить мать, так как стоимость обучения была внесена, когда семья ещё держалась на плаву.

С тех пор Диана стала моей лучшей подругой, всегда встающей на мою сторону. А Крис... Крис получил счёт от академии. И условие: либо он оплачивает ущерб, либо его исключают.

С нулевыми связями, долгами и разрушенным прошлым — для него это был бы конец.

Тогда я протянула ему «руку помощи»: предложила оплатить счёт, а взамен потребовала стать моим слугой на следующие пять лет.

И вот теперь он осмеливается так со мной говорить?

— Если тебе нужно что-то принести, помочь — я не против. Я знал, на что шёл, когда соглашался на нашу сделку. Можешь даже ударить меня, если хочешь. Но не смей пытаться меня жалеть!

Может, в его тело тоже кто-то пробрался?

«Эй, Заместитель... ты уверен, что передо мной всё ещё мой покорный мальчик?» — мысленно позвала я, но ответа, разумеется, не получила.

— Брось, — резко произнесла я, сбрасывая его руку с запястья. — Думаешь, я тебя жалею? Меня волнует только одно — как ты теперь мои сумки таскать будешь. Пошли.

Внутри медпункта было пусто. Ни Лили, ни Люциана.

Медсестра тоже отсутствовала, что неудивительно: в академии полагалось, что студенты умеют оказывать первую помощь себе сами. На стене висела кнопка вызова персонала, но я проигнорировала её — я знала, где лежат бинты и антисептики.

«Если частный самолёт упадёт на необитаемый остров, может оказаться так, что никто, кроме тебя самого, не поможет!» — именно так говорили на инструктажах.

Я полезла в шкафчик.

— Сядь, — процедила я, вынимая бинт. Затем схватила его за руку, мазнула антисептиком, он попытался отдёргнуться, но я не дала. — Стой, ещё пластырь.

Приказной тон сработал, и на этот раз парень не сопротивлялся.

— Спасибо, — пробормотал он, когда я закончила.

Отлично. Кот будет доволен. Ключевая сцена спасена.

— Теперь можешь идти, дальше без тебя справлюсь, — отрезала я, разворачиваясь и садясь на кушетку.

Сняла кроссовок, чувствуя, как ткань, пропитанная кровью, предательски липнет к коже. Вот только Крис не уходил. Просто стоял и... смотрел на меня.

— Что? — не выдержала я. — Никогда не видел, как девушка переобувается?

В следующую секунду он вдруг присел на корточки передо мной.

— Это ведь моя работа. Я помогу тебе, — тихо сказал он.

— Не трогай.

Но он уже наклонился, снимая с меня носок. Холодный воздух коснулся кожи, его пальцы осторожно обхватили щиколотку. Почему мне так неловко?

Он начал обрабатывать антисептиком, дуя на рану, чтобы не щипало. Я нервно сглотнула, не зная, куда деть глаза.

Что это вообще за сцена? Это так в романе было? С главной героиней?

— Не дёргайся, потерпи.

Крис забинтовал ступню, проверил, не слишком ли туго, и, к моему ужасу, снова коснулся пальцами моей лодыжки, надевая носок обратно.

— Готово, — сказал он ровно.

Я отвела глаза.

Почему мне кажется, что воздух в комнате стал душным?

Крис Корвин

«Кристофер, хорошее образование откроет тебе любые двери», — говорил мне отец.

Поэтому, когда он заработал первый миллион, то оплатил заранее моё обучение. Хотел лучшего будущего для меня.

На самом деле теперь-то я знаю: для открытия дверей нужны не знания, а связи. Компромат. Хищная хватка. И готовность вцепиться в горло тем, кто мешает.

Отец создал сенсорную систему мониторинга зданий, мостов и дорог. Она сэкономила миллионы на ремонте, инве-

сторы были в восторге.

А потом система начала показывать, где именно «заката-ли» в асфальт слишком много денег. Где кто-то нагло под-рисовал смету.

И вот тогда всё пошло по наклонной. Проверки, давление, подставы. Кто-то развернул против него целую информаци-онную кампанию. СМИ разносили ложь как чуму, колле-ги отворачивались, партнёры сливали контракты. инвесто-ры потребовали вернуть вложенное.

Я помню тот день. Помню, как мама звонила мне в исте-рике. Помню, как я не сразу понял, о чём она кричит. У от-ца случился инфаркт прямо на совещании. Он умер, глядя в экран, показывающий, как рушится дело всей его жизни.

После похорон мы с мамой сидели вдвоём на кухне в чу-жой квартире, куда нас пустила её школьная подруга по ста-рой памяти.

Мама держала кружку с водой обеими руками, будто ис-кала в ней хоть какую-то опору. Мне показалось, что она ста-ла меньше под всей той тяжестью, что на неё обрушилась. В какой-то момент она не выдержала и заплакала.

— Прости меня, Крис, — выдохнула она с хрипотцой. — Я никудышная мать. Я даже не знаю, что нам теперь делать. Я осторожно взял её за руку.

— Я справлюсь, мам. Вытащу нас, обязательно вытащу. Она всхлипнула и сжала мои пальцы. Тогда я пообещал себе, что сделаю всё, чтобы она больше никогда не плакала.

Буду сильным за нас двоих.

Так мы остались вдвоём. С долгами, без жилья. С той ночи я понял главное — в этом мире выживает не самый умный, а самый беспощадный.

Я мечтал отомстить, тем, кто уничтожил отца. Мечтал вернуть маме то, что у нас отобрали. Думал, буду учиться, сжав зубы, затем поднимусь...

А в итоге вляпался в «дерьмо» на первом же курсе. Тогда я ещё не знал, кто такая Эвелин Вейл.

Я стоял в приёмной, со страхом думая, как скажу маме о грозящем отчислении, когда она подошла ко мне.

— Тебя ведь Крис зовут? Я могу помочь, — сказала Эвелин с лукавой полуулыбкой. В её взгляде было что-то хищное и бесстыдно дерзкое, всё внутри кричало, что не стоит с ней связываться, но я был не в том положении, чтобы отказываться.

С тех пор я стал её слугой, а по сути, рабом. В первый же месяц она написала на моей сумке перманентным маркером: «Собственность Э. Вейл. Не подходить».

Она продемонстрировала это перед всей группой, театрально закатив глаза и бросив сумку мне на колени.

— Теперь все знают, что ты мой, — с вызовом произнесла она. Я пытался стереть, но не получилось. Так и ходил весь семестр с клеймом, сгорая от стыда и злости, но не мог позволить себе сорваться.

Про дружбу и налаживание «связей» можно было забыть.

Кто из одноклассников станет общаться с ничтожеством, которое носит вещи, исполняет чужие капризы и молчит, даже когда его публично унижают? Я видел, как косились и шептались за спиной. У меня не осталось ни одного шанса стать кем-то значимым. Она обливала меня водой, заставляла вставать на колени, оскорбляла. Каждое её слово было словно пощёчина, хотя и пощёчины тоже были.

Я её ненавидел до тошноты, до бессонных ночей. Хотел, чтобы она тоже почувствовала, каково это, быть бесправным.

Но потом понял одну вещь. В том, чтобы быть невидимкой, есть своя выгода, а иногда даже особое удовольствие. Меня не замечали, не принимали всерьёз. Все забывали, что я вообще существую, и это открывало целый мир чужих тайн.

Пока другие считали меня ничтожеством, я спокойно изучал их слабости и шаг за шагом учился рушить чужие планы.

Иногда при мне говорили то, чего знать никому не следовало. Так я узнал, как можно зарегистрировать стартап на подставное имя. Как оформить патент, не засветившись. Как вывести прибыль, чтобы она не ушла в счёт отцовских долгов.

У меня вызывала улыбку мысль о том, сколько бы времени ушло, попробуй я «выудить» эту информацию «по дружбе». А тут — всё само шло в руки. Мир действительно любит

иронию.

Летом после первого курса я снял дешёвую комнату на окраине и зарегистрировал компанию на подставное лицо. Затем провёл три месяца в одиночестве, с ноутбуком и кипами технической документации, доработал одну из последних программ отца, переделал интерфейс, оптимизировал.

Моя новая компания занималась кибербезопасностью. Искала уязвимости, через которые можно было украсть деньги, данные, и закрывала их прежде, чем туда залезет кто-то чужой.

Эвелин Вейл постоянно была в центре слухов, разговоров, скандалов. И в этом шуме я научился слышать главное. Из нытья мажоров можно было вычленить, чьи родители теряют контракты, а чьи получают, чьи акции растут или падают. Кто из семейных корпораций ищет новые ИТ-решения, а кто готов платить за молчание.

Со второго курса через свою фирму начал сливать аналитические записки фондам, которые даже не догадывались, кто их пишет.

Чем беспомощнее я выглядел снаружи, тем сильнее становился внутри. Я учился у Эвелин. Смотрел, как она манипулирует, как плетёт хитроумные сети, и постепенно начал строить свои, только из тени. Слушал, запоминал, прогнозировал.

Вот только её извращённое внимание было моим единственным «общением». И чем дальше, тем чаще я ловил се-

бя на отвратительном чувстве: раздражении, когда она игнорировала меня. Когда смеялась не надо мной, а с кем-то другим.

Но это не мешало мне собирать компромат, анализировать связи и незаметно вредить тем, кто громче всех надо мной смеётся.

В этой игре Эвелин думала, что держит меня на поводке. Но сама не замечала, как стала моим источником информации.

К четвёртому курсу в моей подставной фирме появились сотрудники. Разработчики, маркетологи, аналитики. Ни один из них никогда не видел меня в лицо, вся коммуникация велась удалённо. Специальные почты, зашифрованные чаты, голосовой модулятор. У нас была жёсткая политика анонимности.

Они не знали, что их начальник каждое утро носит сумку за самой стервозной девушкой академии «Аурус».

А меня бесило, когда она обращала внимание не на меня. Но ещё больше бесило, что я нуждался в этом внимании. Иногда её интриги вызывали у меня невольное восхищение. Я ненавидел и восхищался одновременно.

Этим летом я наконец полностью расплатился по долгам отца. Остался только один: долг Эвелин Вейл. Я был уверен, что знаю всё о ней. Могу наперёд предугадать любую реакцию, любой выпад.

Но перед первым же занятием пятого курса, что-то пошло

не так. Меня толкнули, я пролил сок и уже ждал язвительного комментария.

— Это просто случайность. Ты не виноват, — буркнула она.

Я даже не успел почувствовать облегчение — только странное липкое замешательство. Она меня не унизила, не обвинила, не воспользовалась моментом? Что это было? Почему?

И сейчас, когда мы оказались вместе в медпункте, когда я держал её за щиколотку, осторожно дуя на царапину, когда я увидел, как она смущается, отводит глаза и впервые теряется рядом со мной, я понял, чего действительно хочу.

Меня не устроит обычная месть ей, мне не будет достаточно просто унизить и забыть о её существовании.

Она подписала со мной контракт. Заставила меня быть её вещью на протяжении пяти лет. И я тоже хочу, чтобы она принадлежала мне. Но не на пять лет. А на всю оставшуюся жизнь.

Глава 4. Хотела блеснуть, на чём и погорела

Когда я наконец вышла, на улице уже стояла лёгкая прохлада, и я с облегчением вдохнула её полной грудью.

После всего, что сегодня произошло, хотелось забить на учёбу и просто прогуляться, но я не могла себе этого позволить. Сжав зубы, я заставила себя вернуться к расписанию и шла на занятия, готовая к любым неожиданностям. Тем не менее, остаток учебного дня прошёл сносно. Без новых происшествий, без явления Заместителя или каких-то подстав от Лили.

Впрочем, неудивительно. После физподготовки у нас с ней были разные предметы в расписании. У меня сегодня основы управления, риторика и спецкурс по анализу контрактов. Я их выбрала ещё в прошлом году. Лили же, как выяснилось, отобрала себе гуманитарный блок с уклоном в культуру — то есть, по сути, занималась рисованием и чтением стихов.

Если в теле Лили и правда сидела какая-то попаданка, то, похоже, она была безнадёжна. Будь у неё хоть капля здравого смысла, она бы поняла: чтобы завоевать Люциана, надо учиться тому, что важно для его рода — стратегии, управлению, социальному проектированию.

Учебный день наконец подошёл к концу, пришло время идти на встречу с профессором Брауном.

— Эвелин, с тобой сходить? — спросила Диана, когда я поднялась из-за стола после последней пары.

— Нет, — коротко бросила я. — Это дело я должна уладить сама.

— Тогда я с остальными пойду перекусить, ты не против? Присоединишься позже?

Внутри поднялся невольный протест. Ну, конечно. Вся моя свита будет развлекаться, пока я одна буду спасать свою репутацию. Впрочем, мне не привыкать быть одной.

— Иди, не ждите меня, — сказала я ровным голосом.

Диана кивнула, даже не заметив моей паузы, подхватила сумочку и убежала вслед за Вайолет и Софи.

Я дождалась, пока одnogруппники скроются за углом, и только тогда направилась в кабинет к профессору Брауну.

Тот сидел за столом и, не поднимая глаз, делал пометки в каких-то бумагах.

— Вейл, — стоило подойти, как он не глядя протянул мне лист. — Это новое задание. Садитесь за первую парту и приступайте прямо сейчас.

Я кивнула и заняла место, тотчас же погрузившись в работу.

На этот раз структура была той же: сначала — теория, потом аналитика. Но вот содержание уже другое. В первой части исчезли шаблонные вопросы, вместо них появились ка-

верзные формулировки и задания на внимательность.

Во второй части для анализа предлагался законопроект, причём, если бы я не гостила у Дарвилей, я бы о нём даже не слышала.

Отец Люциана вскользь упомянул, что в комитете отклонили инициативу о пересмотре механизма корпоративного мандата в муниципальных советах.

«Под видом реформ как всегда продвигают популизм. Формально — ради уравнивания прав, а по факту — в попытках ослабить влияние семейных кланов и их капитала, — пробурчал он тогда, не отрываясь от планшета с биржевыми сводками. — Но этот проект всё равно не пройдёт. Слишком сырой и слишком провокационный».

Если бы не этот разговор, я бы даже не знала, что такая инициатива вообще существует и о чём она.

Я сжала зубы. Всё это было явным намеком от профессора Брауна: попробуй-ка теперь списать.

Это разозлило, но я не дала себе времени на эмоции. Просто начала выполнять. Над ответами почти не приходилось задумываться: я знала, где и как нужно сформулировать. Во второй части я, по сути, просто вписала отредактированный пересказ аргументов отца Люциана. Всё, что он тогда бросил мимоходом — про популизм, про ослабление влияния кланов, про недоработанность инициативы — и добавила пару ссылок на похожие прецеденты — вот тебе идеальный ответ.

Я почти закончила, как дверь вдруг щёлкнула. Оторвав-

шись от листа, едва не уронила ручку. В кабинет вошёл высокий мужчина с холодным как сталь взглядом, короткими белыми волосами и прямой осанкой. Сильный, уверенный в себе.

Господин Дэниел Дарвиль. Глава совета попечителей академии. Глава семейного конгломерата, который держит половину городских корпораций. За ним как тень шёл его сын — Люциан. Губы парня дрогнули в улыбке, когда меня он заметил, но, посмотрев на отца, он не стал ничего говорить.

— Господин Дарвиль! — профессор Браун резко поднялся. — Какая неожиданная честь.

— Я получил сообщение от вас, профессор, — ровным голосом произнёс Дарвиль. — О том, что вы хотели бы обсудить моё участие в благотворительном вечере академии.

Профессор Браун заморгал.

— Сообщение? Я... хм... боюсь, вы ошиблись. Я не посылал никаких сообщений.

Брови господина Дарвиля сошлись у переносицы, тень раздражения скользнула по лицу.

— Странно. Видимо, моя секретарша что-то напутала.

И тут он заметил меня.

— Мисс Вейл? А вы что вы здесь делаете?

Я едва не вскочила с места, но усилием воли осталась сидеть.

— Добрый вечер, господин Дарвиль, я...

— Эвелин пересдаёт контрольную, — перебил профессор

Браун. — Я поймал её на списывании.

— Это не так! — воскликнула я, голос дрогнул, но я тут же выпрямила спину. — Это недоразумение! И я здесь, чтобы доказать правду своими отличными знаниями по предмету.

И тут в комнату вошла Лили Адамс — с сияющей улыбкой и тёплым взглядом невинной овечки.

— Профессор Браун? Я... ой, — она замерла, словно только сейчас заметила Дарвиля и Люциана. — Простите, я не знала, что вы заняты. Я принесла вам конспекты из «Ревенхола», чтобы доказать, что мой уровень знаний несколько не уступает уровню знаний, который дают здесь.

— «Ревенхол»? Там тоже преподают политику? — с любопытством переспросил Дэниел Дарвиль, скользнув внимательным взглядом по Лили. — Позвольте взглянуть.

Он потянулся к верхнему конспекту, и Лили сразу отдала его, словно только этого и ждала.

— Хм, — он задумчиво полистал тетрадь. — Признаюсь, не ожидал увидеть настолько серьёзные темы в «Ревенхоле»...

У меня в висках заколотило. Вдруг стало холодно, будто кто-то распахнул окно и ледяной ветер вонзился в рёбра. Перед глазами как в кошмаре пронеслись совсем другие сцены: Лили, униженная, рядом с Дэниелом Дарвилем. Мне удалось выставить её в невыгодном свете перед отцом Люциана.

«Девушки, которые не умеют вести себя, портят репута-

цию академии «Аурус». Впрочем, для «Ревенхола» прости-
тельно, — говорит он ей с пренебрежением. — Не стоит ли
мне на следующем совете попечителей поставить вопрос о
том, чтобы лишить вас стипендии?»

Я сжала ручку так сильно, что она хрустнула. Резкий звук
помог снова ощутить реальность, но также и заставил всех
присутствующих обернуться ко мне.

Что это только что было? Очередная ключевая сцена? То-
гда почему Заместитель не предупредил меня?

Я выпрямилась, нарочито спокойно положила сломанную
ручку на стол и натянула на лицо улыбку:

— Я закончила.

Я подошла к столу, положила тетрадь на край и встрети-
лась взглядом с Лили. Та смотрела с триумфом, которого да-
же не пыталась скрыть.

— Позвольте и мне взглянуть, господин Дарвиль, — по-
просила я, подходя ближе. — Любопытно, что изучают в
«Ревенхоле».

Он чуть приподнял бровь, но всё же передал мне кон-
спект.

— Благодарю, — я листнула пару страниц и едва не при-
кусила язык, чтобы не выругаться: материалы действительно
выглядели впечатляюще. Может, даже слишком. — Неужели
у вас была настолько продвинутая программа? — я постара-
лась звучать искренне.

Лили нагло вскинула подбородок, явно ощущая себя по-

бедительницей. Интересно, а если бы ей дали на анализ законопроект про корпоративный мандат, она бы справилась?

— Профессор Браун, — я повернулась к нему с лёгкой улыбкой. — В таком случае, думаю, вы должны освободить Лили от занятий. Очевидно, она знает гораздо больше, чем указано в нашем учебнике.

Попаданка моргнула, в её глазах мелькнуло замешательство. Люциан скрестил руки на груди и выглядел настороженным.

— Может быть, вы устроите ей небольшой устный экзамен прямо сейчас? Или хотя бы дадите тот же вариант, что и я писала? — продолжила я, слегка склонив голову, будто искренне восхищалась. — Думаю, ей не составит труда ответить на любые вопросы... если, конечно, она сама писала все эти конспекты.

На лице наглой выскочки проступил слабый румянец, пальцы крепче сжали стопку тетрадей.

Я с удовлетворением отметила, как воздух в кабинете сгустился. Даже Дарвиль нахмурился, бросив на Лили испытующий взгляд.

— Впрочем, — я изящно провела пальцем по полям конспекта, — не исключено, что я ошибаюсь. Возможно, мне просто кажется, что эти формулировки слишком академические для конспектов студентки.

Лили судорожно втянула воздух.

— Я... я просто... люблю читать сложные статьи! Это...

вдохновляет меня!

Люциан напрягся, мне показалось, он вот-вот вступится за Лили. Это неприятно резануло. Разве не я его девушка? Эту выскочку он знает всего один день.

Я продолжила листать, пытаюсь найти, за что еще зацепиться. Почерк и правда был ровным. Местами — подозрительно ровным. Уже собиралась закрыть тетрадь с равнодушной улыбкой, как взгляд зацепился за знакомые цифры.

Попалась! Внутри обожгло острым удовольствием. Сдерживая дрожь предвкушения, я подняла взгляд.

— Конечно, — улыбнулась почти невинно. — Это правда очаровательно. Только вот один момент...

Я указала пальцем на нужную строчку.

— Ты утверждаешь, что эти записи сделаны в прошлом году? Тогда, пожалуйста, объясни мне, что здесь делает упоминание законопроекта №334-К в качестве примера, — я ненавязчиво повернула конспект так, чтобы мистеру Дарвилю хорошо было видно. Мужчина нахмурился. Его взгляд стал тяжёлым, внимательным. Вот и отлично. Люди его уровня не любят, когда их водят за нос.

Лили же глупо заморгала.

— А почему бы ему не быть в конспектах? Это мой почерк! Можете сравнить! Или, хочешь сказать, для примера он не подходит?

Я хмыкнула.

— Как раз наоборот. Для примера социальных законов он

очень подходит. Но ведь конспекты за прошлый год. А законопроект №334-К вышел только этим летом. Может быть, ты все-таки признаешься, что это не твоё?

— Это клевета! — вскинулась Лили. Голос её дрогнул, но она пыталась держать спину прямо. — Может быть, я просто ошиблась в цифре... Возможно, тут должен быть другой номер...

— Правда? А этот номер о чём? Скажешь нам?

— Да откуда я знаю!

— И как же ты тогда сегодня писала контрольную, если даже не знаешь, что это за закон? — я изогнула бровь.

Растерянность в лице Лили всё больше сменялась паникой.

— Ты даже не помнишь, на что дала развёрнутый комментарий сегодня на уроке, не так ли? — продолжила я тихо, но отчётливо. — Тогда что ты вообще здесь делаешь?

Тишина зазвенела в комнате. Мистер Даривиль с брезгливым выражением лица отвернулся от Лили и медленно сложил руки перед собой.

— Это ведь тебя сегодня поймали на шпоре! — почти крикнула попаданка.

— Ах да... — я изогнула губы в безупречной улыбке. — Шпора. Та самая, которую мне подкинули, верно? — я сделала небольшую паузу. — Но я уже пересдала контрольную и доказала свою невиновность.

Лили резко втянула воздух.

— А как насчёт тебя? — я медленно провела пальцем по корешку конспекта. — Может, и ты докажешь свою «гениальность»? Сдай устный экзамен, покажи, как блестяще знаешь материал.

Я отдала её конспект профессору Брауну, взглядом давая понять, что он может начинать опрос в любую минуту.

— Ну а теперь, если позволите, я откланяюсь. Господин Дарвиль, профессор Браун, — я коротко кивнула. — Люциан... до встречи.

На нём я задержала взгляд ровно на секунду дольше, чем было нужно, и развернулась к двери. Позади слышались тяжёлый вздох Лили и резкий шорох страниц — похоже, она судорожно собирала свои конспекты обратно.

Глава 5. За себя и за того парня

Вышла из кабинета опустошённой. Раньше, если бы удалось унижить соперницу, я бы первым делом нашла Диану. Рассказала ей всё в красках, а она бы воскликнула «ты просто королева, Эвелин!», и мы бы вместе посмеялись. Хоть кто-то бы порадовался моему успеху.

Но сейчас я не знала, можно ли назвать это успехом. В конце концов, в финале романа я всё равно проиграю. Так с какой стати ощущать себя победительницей?

Вернуть всё на круги своя. Перезапустить сюжет. Стереть лишние воспоминания и жить как ни в чём ни бывало.

Правду же говорят: счастье — в неведении.

Я свернула в глухой боковой коридор, туда, куда никто из студентов не ходил без особой нужды. Тут находилась техническая лестница, ведущая к архиву. Место неприметное, никому не интересное. Именно то, что было нужно, чтобы побыть в одиночестве.

Я почти дошла до лестницы, когда увидела, что там уже кто-то есть.

— Что за... — начала я, но замолчала.

У стены стоял Крис. Он держал в руках свой планшет, но не читал и не печатал, а просто смотрел на него, угрюмо насупившись.

— Ты?! — я не сдержалась и вскинула бровь. — Ты что

здесь делаешь?

Он поднял голову. Взгляд у него был колющий.

— Можно задать тот же вопрос, — спокойно ответил Крис.

Я фыркнула и развернулась на каблуках, решив, что общение с ним — последнее, что мне нужно.

— Мои дела тебя не касаются, — бросила я через плечо.

И только шагнула обратно в коридор, как...

— Мрау!

Я подпрыгнула от неожиданности.

— Да чтоб тебя!.. — взвизгнула, инстинктивно отшатываясь. Прямо передо мной из воздуха материализовался кот. Янтарные глаза сверкнули в полумраке.

— Тише, Ви-Ви, — мурлыкнул Заместитель. — У тебя получилось.

— Что получилось? — зашипела я, держа руку на груди. Сердце колотилось как сумасшедшее. — Ты с ума сошёл? Появляться вот так!

— Ключевая сцена с отцом Люциана, — важно произнёс он, не обращая внимания на мой испуг. — Ты прошла её. Она должна была случиться позже, но эта попаданка заманила Дарвиля в академию сегодня, чтобы он узнал о твоём списывании, а она сама похвасталась конспектами. А в итоге тебе удалось унижить её!

— Понятно... — я обернулась на Криса. Он стоял всё в том же углу, но не двигался. Замер, как и в прошлый раз при

появлении кота.

— В общем, отличная работа, Ви-Ви, — продолжал мурлыкать неуёмный зверь. — Но теперь пора сосредоточиться на следующем задании.

— А нельзя перерыв сделать? — простонала я, скрещивая руки на груди и тяжело вздыхая. — Я и так выжата как лимон. Мне нужен отдых.

— Вот с ним и отдохни, — подмигнул мне кот, кивая в сторону Криса.

— Что? — я невольно округлила глаза, не веря своим ушам.

— Видишь ли... он второй главный герой, — принялся объяснять Заместитель. — Лили Адамс, попадая в «Аурус», должна жалеть Криса, помогать ему, поднять в глазах других студентов его статус... Тронутый её добротой, Крис должен влюбиться в неё. Он должен хотеть исполнить все её желания. Но... похоже, попаданке Крис не нравится.

Почему-то показалось, что хитрый котяра рассказал мне не всё. Зачем попаданке отказываться от того, кто хочет исполнять её желания? Если в конце это не помешает ей все равно быть с Люцианом?

— Любовная линия с Крисом обязательна. Это часть сюжета, — кот щёлкнул хвостом.

— Мне нужно свести их вместе? — я задумчиво почесала переносицу. — Ну, там, романтический вечер, свечи, пара бокалов вина...

— В ключевых сценах этого не было, — кот царапнул когтем по полу. — Так что просто возьми на себя роль Лили в сценах с Крисом...

— Ты с ума сошёл?! — от возмущения я чуть не пнула этого блохастого. — У меня вообще-то парень есть!

— Ну и где сейчас этот парень? Люциан всё равно тебе не достанется, — кот ослабился, но затем всё же смягчился. — Ви-Ви, если пройдёшь по сюжету, то перезапустишь историю. Но если провалишься, то Люциан тебе не поможет. Тебя исключат из академии, вычеркнут из семьи. Ты останешься одна. Навсегда.

Я судорожно втянула воздух, снова посмотрела на Криса. Он по-прежнему стоял неподвижно, но взъерошенные тёмные кудри чуть шевельнулись от сквозняка.

«Он симпатичный», — невольно отметила я, глядя на линию подбородка, прямой нос, длинные ресницы. Я никогда не рассматривала Криса как парня. Раньше для меня он был вроде... предмета интерьера.

— Ладно, — устало прикрыла глаза. — Что нужно делать?

— По сюжету, после пересдачи контрольной Лили встречает Криса в коридоре и предлагает ему поесть вместе в столовой. Вот только в столовой уже находишься ты и решаешь поиздеваться над парнем, чтобы унизить в глазах новенькой. В итоге ты макнула его лицом в тарелку. Лили же его от тебя защитила и после так трогательно помогала умыться... Ох, помню комментарии читателей к этой сцене, они пищали от

восторга...

— Стоп, — перебила кота, который начал мечтательно облизываться, — я не поняла. Я должна унизить Криса сегодня? Макнуть лицом в тарелку? Или все-таки защитить и умыть?

— И то, и то, — кот лениво зевнул, прищулив янтарные глаза. — Считаю, что тебе повезло. Сегодня ты должна отыграть и за себя, и за главную героиню.

Он махнул хвостом и ехидно добавил:

— Я в тебя верю!

Кот мигнул напоследок и исчез, совсем как какая-нибудь сумка из лимитированной коллекции: только захотела купить, а её уже нигде нет.

Повернулась к Крису: он как ни в чём ни бывало смотрел в планшет. Для него «заморозка», судя по всему, прошла незаметно.

Сделала вдох, поправила волосы, прилепила на лицо очаровательную улыбку и, чуть кашлянув, произнесла сладким голосом:

— Крис, ты, кстати, уже ужинал?

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Нет.

— Тогда, может, поужинаем вместе? Хочешь пойти со мной в столовую?

Брови парня удивлённо поползли вверх.

— Нет, — повторил он медленно.

Нет? Я не была уверена, что не ослышалась. Да любой парень на его месте был бы счастлив, что сама Эвелин Вейл позвала его в столовую! Я — королева академии, эталон красоты и стиля. А этот вечно помятый хмурый умник смеет говорить мне «нет»? Может, он просто не понимает своего счастья?

Я изящно и неторопливо заправила за ухо прядь волос. Затем провела пальцем по шее — почти невинно, чуть-чуть касаясь ключицы. Люциан от одного этого жеста всегда начинал дышать чаще и тяжелее.

— Хочешь сесть со мной за один столик? — проговорила я, чуть склоняя голову. — Я позволю тебе выбрать самому, что ты хочешь.

Он уставился на меня так, словно всерьёз обеспокоился моим психическим здоровьем.

— Раньше ты запрещала мне даже подходить к твоему столику.

— Это было раньше, — пожала я плечами и сделала шаг вперёд.

Затем ещё один. Шла медленно, плавно. Бёдра покачивались в выверенном ритме. Я чуть прикусила нижнюю губу. Не слишком вызывающе, но с лёгким флёром недосказанности. Люциан в такие моменты терял контроль. Однажды он так внезапно притянул меня к себе прямо в коридоре и поцеловал так страстно, что я потом ещё долго собирала заколки по полу.

Крис же, кажется, напрягся. Скулы стали жёстче, рука сжала планшет. Наверняка он тоже что-то чувствует, просто отлично это скрывает и сдерживается. Как бы он ни изображал безразличие: он парень. А я — это я.

Остановилась прямо перед ним.

— Ну так что? — прошептала, глядя на него из-под ресниц. — Я пообещаю вести себя... прилично.

— Ты со мной сейчас флиртуешь? — вдруг мрачно спросил он.

— Что? — от такого вопроса в лоб я растерялась. — Конечно, нет! — фальшиво рассмеялась. — С ума сошёл? Просто ты помог мне в медпункте. Хотела отблагодарить.

— Понятно. Спасибо за предложение. Я не голоден, — он снова опустил голову к планшету, тут же потеряв ко мне интерес.

Я моргнула. Что это сейчас было?!

— То есть ты не пойдёшь?

— Нет, — холодно отозвался он.

На секунду я замерла. Ведь я действительно пыталась флитовать, но меня... отвергли? Стало так неловко, унижительно. Глубоко под кожей зашевелилась колючая обида. Мерзкое чувство.

Что ж, если моя доброта его не впечатлила, то пусть вспомнит, с кем имеет дело. Я — Эвелин Вейл, злодейка в этом романе!

— Крис, — произнесла уже другим голосом с ноткой льда.

— У нас с тобой соглашение, помнишь?

Он медленно поднял взгляд, а я продолжила, не мигая:

— Ты — мой мальчик на побегушках.

Он стиснул челюсть. О, какое знакомое выражение лица!

Почти умилительно.

— Если я сказала идти в столовую — ты идёшь в столовую! Спросить можешь только, приставным шагом или на цыпочках.

Если бы взглядом можно было сжечь, я бы уже горела.

Чем это он в летние каникулы занимался, что стал так дерзко смотреть? Я уже была готова к новым перепалкам, но Крис всё-таки медленно выдохнул:

— Ладно. Пошли.

Не смогла сдержать облегчённой улыбки.

— Прекрасно! — я снова «включила» очаровательную версию себя. — Я как раз в настроении для горячего шоколада.

Скосила на него взгляд и, склонив голову, игриво добавила:

— Скажи, Крис, а ты любишь шоколад?

Он лишь хмыкнул: сухо, без капли участия. Но мне было уже всё равно, главное, он шёл за мной. Значит, всё по плану.

Шоколад...

На мгновение прикрыла глаза, представив, как вечно сосредоточенное лицо оказывается испачкано десертом. Мне ведь по сюжету надо макнуть его в тарелку. Что, если это бу-

дет какое-нибудь пирожное? Шоколад на щеке, на носу, между губами... Я представила, как медленно слизываю сладкую капельку с его скулы.

Воображение предательски добавило детали: тепло его кожи, дрожь от случайного прикосновения, я провожу языком вдоль линии скулы, чуть касаясь, смакуя вкус, текстуру...

Меня накрыло волной, дыхание участилось, в груди стало тесно, кожа будто вспыхнула изнутри. Я моргнула, сбитая с толку, и на секунду потеряла ощущение пола под ногами. Сделала шаг и оступилась.

— Ай! — взвизгнула, не от боли, от испуга, и инстинктивно схватилась за ближайшее, что было под рукой. За Криса.

Он качнулся, но не отшатнулся, а наоборот, поймал меня за локоть, чтобы я не грохнулась. Наши взгляды встретились на расстоянии в пару сантиметров.

Вот только этого не хватало... Это же Крис! Не Люциан. Не мой тип ни в каком смысле. Никогда! Это просто игра.

— Спасибо, что поймал. Ты прям герой, — хрипло произнесла я.

Он покосился на меня с таким выражением, будто героизировать ради меня его личный кошмар, и тут же отстранился.

Ну что ж, Крис. Надеюсь, у тебя крепкие нервы, потому что мои явно дали сбой.

В столовой было почти пусто, ужин подходил к концу, и от привычного гомона остались лишь редкие отголоски. Мой приход вместе с Крисом тоже не вызвал никакого ажиотажа: все давно привыкли, что он таскается за мной, готовый выполнить любое поручение.

За нашим постоянным столиком уже устроились Диана и остальные девочки. Увидев меня, Ди радостно замахала рукой.

— Эвелин! — Диана призывно похлопала по свободному сиденью ладошкой.

Вот только, как назло, свободным был только один стул.

Я бросила короткий взгляд на Криса, который уже начал пятиться, явно решив, что миссия выполнена и он свободен.

— Не так быстро, — и под удивленные взгляды подруг я решительно придвинула к нашему столику ещё один стул, забрав от соседнего стола. Повернулась к Крису, указав на место. — Садись.

Повисла неловкая пауза. Девочки переглянулись, однако благоразумно промолчали. Хотя, судя по круглым глазам Дианы, её любопытство сейчас било все рекорды. Крис послушно опустился на предложенное место. Я невозмутимо устроилась рядом и нажала кнопку вызова персонала. В столовой, конечно, была обычная линия раздачи, но для тех, чей рейтинг в академическом зачёте (ну и семейный счёт, чего уж там) позволял, был предусмотрен персональный официант. Очередной способ академии напомнить, кто

здесь элита, а кто нет.

Диана заговорила первой. Подозрительно поглядывая на Криса, она осторожно спросила:

— Эвелин, ну как всё прошло у профессора Брауна?

— Всё хорошо, — коротко отозвалась я, делая вид, что совершенно поглощена выбором блюд на планшете.

Наконец к столику подошёл официант.

— Крис, выбирай, чего тебе заказать? — я постаралась придать голосу чуть больше энтузиазма, хотя сердце предательски дрогнуло, вспомнив ту глупую шоколадную фантазию.

— Спасибо, я не голоден, — сухо ответил он, даже не поднимая глаз.

Упрямый идиот. Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Может, просто снова рывкнуть на него?

— Тогда то же, что и мне, — обратилась тем временем я к официанту, а затем мстительно добавила: — И ещё добавьте два шоколадных десерта.

Диана тем временем, похоже, решила, что раз это какая-то моя очередная игра, то нужно помочь:

— Да ладно тебе, Крис, расслабься, — с наигранной заботой улыбнулась она. — Мы не кусаемся.

Двойняшки Софи и Вайолет приснули в унисон, обменявшись быстрыми ехидными взглядами.

Софи, подперев подбородок ладонью, сочувственно вздохнула:

— Он просто впервые сидит за нормальным столом, вот и переживает. Интересно, салфетками-то умеет пользоваться?

— Только бы не перепутал салфетку со скатертью, — подхватила Вайолет.

Двойняшки снова засмеялись, а Милана едва не подавилась едой от их шуток, так что Диане пришлось похлопать её по спине.

Я едва заметно поморщилась, но не стала их одёргивать.

Наконец появился официант — безупречно одетый, но по лицу было видно, что студенты ему порядком надоели. Он поставил передо мной и Крисом два одинаковых ужина: запечённое филе сёмги и пюре из сельдерея, — положил приборы, а следом две тарелки с шоколадным десертом.

— Приятного аппетита, — протянула Диана, ни к кому конкретно не обращаясь, но смотря при этом только на Криса.

Мне это почему-то не понравилось. Вот просто — не понравилось, и всё тут. Зачем она его так пристально рассматривает? Глупость какая-то.

Я поёрзала на стуле, отчего-то раздражённая, а Крис как ни в чём ни бывало взял вилку, нож и совершенно невозмутимо приступил к еде. У меня же аппетит пропал окончательно.

— Можешь передать корзинку с хлебцами? — вдруг спросил Крис у Дианы. Та подала корзинку, при этом вдруг смутившись и бросив на меня короткий взгляд.

Этого выдержать я уже не смогла. Он ведь нарочно обратился к ней! Хотя хлебцы стояли ближе ко мне. Думает, он кому-то нужен, кроме меня?! То есть... что он вообще кому-то нужен?

— Я смотрю, ты вполне освоился за нашим столом, — ядовито заметила я. — Ну и как? Нравится?

— Конечно, ему нравится, тут ведь всё настоящее. Даже ложки из металла, представляешь? — радостно подхватила Вайолет, кажется, она только и ждала повода снова уколоть Крису.

— Бедняжка, он, наверное, привык есть пластиковыми, — добавила её сестра, сделав невинное лицо.

Милана хихикнула, подсовывая Крису салфетку:

— Крис, держи, вдруг тебе понадобится... На всякий случай. Только, пожалуйста, потом не на пол, ладно?

— Думаю, он не перепутает. Эвелин ведь уже четыре года его дрессирует, — Вайолет уже несло, — так что он заслужил звание «хороший мальчик».

— Осталось только, чтобы Эвелин выдала ему персональный ошейник, — захихикала Софи, прикрывая рот ладонью, — и тогда уж точно никто не решит, что он один из нас.

— Главное, чтобы не опозорил нас, — добавила Милана, и в этот момент воздух вокруг меня будто сгустился.

Перед глазами вспыхнуло старое воспоминание: я была в вечерней гостиной особняка Вейл. Мама молча поставила передо мной коробку, внутри лежал алый бант.

Отец сидел в кресле у окна:

— Ты опозорила нас перед всеми, — тихо произнес он.
— Если ещё раз подведёшь семью, можешь считать, что фамилии Вейл у тебя больше нет.

Бант был символом наказания. Его надевали на меня, когда я «подводила семью» — забывала выучить реплику для ужина, осмеливалась колко ответить, плакала или просто улыбалась недостаточно мило. Когда он был на мне, все знали, что я наказана и со мной нельзя разговаривать или вообще просто хоть как-то замечать мое существование.

Мать вплела мне тугую ленту, впивающуюся в шею. Она нарочно стянула волосы до боли, но нельзя было плакать и нельзя было снимать её, даже ночью.

А потом я стояла в углу, а вся семья весело ужинала, будто меня и нет. Тарелку мне не дали. Отец говорил матери:

— Пусть посмотрит, что бывает с теми, кто позорит фамилию.

Когда мне наконец разрешили снять ленту, я всю ночь не могла развязать этот дурацкий бант, он будто прирос ко мне...

В голове что-то клацнуло. Я резко отодвинула стул, так что он скрипнул по полу. Все посмотрели на меня.

— Подъём и на выход! — отрезала я, не узнавая своего голоса.

Крис невозмутимо начал вставать, но я перехватила его запястье, не позволяя сдвинуться с места.

— Я не тебе, я им, — произнесла чётко, не выпуская его руку.

Повисла тяжёлая тишина. Не только подружки, но, кажется, и все остальные, кто ещё был в столовой, замолчали. Первой отмерла Вайолет:

— Серьёзно? Ты же сама всегда говорила, что он твой до-весок! Почему нам нельзя пошутить, если ты постоянно его оскорбляешь?

Я собиралась поставить её на место, но не успела. Двери столовой распахнулись, и на пороге появился Люциан, а вместе с ним Лили. Лили держала его за локоть и весело что-то щебетала, глядя снизу вверх. По лицу Люциана было видно: сам он до конца не понял, как оказался рядом с ней.

«Ну конечно, главная героиня и главный герой. Всё по канону...» — мысль отозвалась пустым эхом. И почему меня совсем не тронуло, что я вижу их вместе? А вот то, что оскорбляли Криса, так сильно задело. Может ли это быть из-за того, что Заместитель «разбудил» меня?

Я махнула рукой девчонкам за столом, чтобы ушли. На этот раз они переглянулись, но спорить не стали, встав со своих мест.

— Эвелин, рад, что ты тут. Ректор попросил меня помочь Лили освоиться и устроить для неё экскурсию. Если ты не против, она сядет с нами, — Люциан пододвинул стул рядом со мной, помогая новенькой устроиться.

— Как прошёл опрос у профессора? — спросила я ровно,

будто ничего особенного не произошло.

— Я всё рассказала на «отлично»! — выкрикнула Лили, словно вытащила козырь.

Вайолет, Софи, Милана и Диана тем временем подхватили сумочки и направились к выходу.

— Вот что бывает, когда за стол таскают всякую шваль, — бросила Вайолет напоследок так, чтобы слышали все. — Её становится только больше. Пойдемте, — кивнула она подругам.

Диана замешкалась, посмотрела на меня. Я коротко кивнула ей, после чего она вышла вслед за остальными.

— Кого она назвала швалью?! — возмущённо воскликнула Лили прямо над моим ухом.

Я вскинула подбородок и, глядя на Лили, невозмутимо сказала:

— Тебя, конечно.

Губы новенькой задрожали от возмущения, даже Люциан нахмурился, резко повернувшись ко мне:

— Эвелин, зачем ты так? Извинись, — в его голосе звучала почти искренняя обида.

Извиниться? Ещё чего! Я пожала плечами и холодно ответила:

— Мне не нравится, что ты привёл её сюда.

Он нахмурился ещё сильнее:

— Но Лили тут никого не знает. Кроме того, ты тут тоже не одна, — он кивнул на Криса, — Этот ведь тоже с тобой,

— с лёгкой насмешкой бросил он.

Он что, правда не понимает, что это другое?! Я чуть не зашипела вслух.

— Он хотя бы знает своё место. А она знает? — это прозвучало гораздо жёстче, чем я хотела. Я услышала, как Крис, к которому я повернулась сейчас спиной, отодвинул тарелку. Видимо, его задело, и не только его.

— Думаешь, что всё здесь принадлежит тебе? Но времена меняются, Эви, — торжествующе произнесла Лили.

Я скрипнула зубами. Терпеть не могла, когда меня называли таким сокращением.

— Времена, может, и меняются, но персоны вроде тебя никогда не станут здесь своими, всегда можно будет узнать по запаху дешёвой зависти.

Люциан резко вскинул голову:

— Эвелин, хватит. Тебе что, нравится унижать людей без причины?

— Людей? Не лъсти ей. Людей я не оскорбляю, — отчеканила я.

На это Лили уже не выдержала, схватила тарелку с десертом и кинула в мою сторону. В последний миг я отпрянула, и порция с силой прилетела в лицо Крису, который как раз вставал из-за стола.

Шоколадные брызги расплзлись по его щеке, попали в волосы и даже за воротник. В столовой воцарилась мёртвая тишина.

А вот я не смогла удержаться от улыбки. Во-первых, потому что Крис в шоколаде выглядел совершенно нелепо, а во-вторых, потому что теперь мне не придётся самой его пачкать ради прохождения ключевой сцены. Миссия выполнена!

Я поднялась из-за стола и невозмутимо бросила Люциану:
— Продолжим этот разговор позже, мне пора.

Он хотел что-то ответить, но я уже повернулась к Крису и решительно взяла его за локоть.

Люциан нахмурился, не понимая, как реагировать. В его взгляде смешались недоумение, досада и тень раздражения: слишком явно я переключила внимание.

Он чуть привстал и окликнул меня:
— Эвелин!

Но я уже уводила Криса из столовой, не обращая внимания на пыхтящую от злости Лили и ошеломлённые взгляды остальных. Мне было всё равно, я чувствовала, что близка к цели. Даже то, что Лили целилась в меня, не задевало. Скорее всего, потом я ей за это отплачу, но не сейчас.

Вот только стоило оказаться в коридоре, как Крис выдернул руку из моей хватки:

— Куда ты меня тащишь?

Я раздражённо вскинула брови:

— Помочь тебе привести себя в порядок. У тебя мусс в волосах.

— Я сам способен о себе позаботиться.

— Перестань, — отрезала я. — И вообще, чем ты недоволен? Я ведь заступилась за тебя.

— Видимо, я просто плохо своё место знаю, — огрызнулся он. — Если тебе что-то надо от меня, скажи, я сделаю. Если нет, тогда до завтра.

Он попытался уйти, но я преградила дорогу. Провела пальцем по его щеке, собрав каплю шоколада, и с нарочитой небрежностью размазала по своему платью.

— Мне нужна твоя помощь. Платье запачкалось. Иди за мной.

Глава 6. Шоколад и немного цитруса

Я повела Криса по пустым коридорам к туалетам на третьем этаже, где обычно шли лекции. В это время тут было безлюдно, ведь занятия уже закончились. Достала из сумки чистый носовой платок, смочила под краном.

— Сядь, — приказала я, указывая на край раковины. Он не стал спорить, но взгляд был мрачным.

Я подошла ближе и начала аккуратно вытирать десерт с его щеки, отметив про себя, что волнуюсь сильнее, чем положено. Хотя, по идее, мне вообще не положено волноваться. Это у Криса должно дыхание сбиваться, руки дрожать и сердце замирать, ему по сюжету положено бегать за той, что его приголубит! А я? Я должна быть ледяной и непоколебимой. Но почему же пальцы слушаются всё хуже?

Крис вдруг положил свою ладонь поверх моей. От его прикосновения по коже будто прошёл ток. Я замерла, сердце глухо стукнуло в груди.

— Я подрабатывал летом, и прошлым тоже, — произнёс он. — Хочу отдать тебе деньги. Накопил большую часть суммы.

Едва сообразив, о чём он говорит, я резко отдернула руку. Меня будто обожгло. Он что, захотел откупиться? Ах как

удобно! Думает, вручил пачку купюр и свободен от обязательств?!

И вообще... где это он подрабатывал? Да, оценки у него приличные, спору нет. Но чтобы студента (даже студента «Ауруса») без опыта взяли туда, где платят действительно хорошо, нужны связи. А у Криса связей — ноль. Но тогда с какой стати он говорит, будто накопил «большую часть суммы»? За три летних месяца? Смешно!

Скорее всего, он блефует. Пытается звучать убедительно, чтобы я восприняла его всерьёз. Я ощутила облегчение от этих мыслей.

— А проценты за четыре года ты тоже покроешь? Или попросишь рассрочку? — я скривила губы в усмешке, намереваясь, чтобы прозвучало как холодный укол, но в голос всё равно просочилось слишком много обиды. — Если нет, то не упоминай об этом больше.

Он вздохнул и посмотрел прямо мне в глаза:

— Ты сегодня очень странно себя ведёшь. Оставила своего парня в компании новенькой, а меня притащила сюда. Что тебе надо, Эвелин?

Этот вопрос вернул в реальность. Ах да, ключевая сцена. Мне надо умыть его.

— Помочь тебе привести себя в порядок, — упрямо пробурчала я — Не дёргайся.

На этот раз, когда я снова стала тереть его: подбородок, щеки, даже волосы, — он больше не пытался отстраниться.

Просто молча позволял мне заботиться о нём, смотрел от-
решённо, будто видел впервые. Внутри меня же всё оконча-
тельно запуталось. В голове снова начали появляться неле-
пые образы того, как я слизываю шоколад с его щеки, сладко
вдыхаю запах...

Бред! Я тряхнула головой, пытаюсь отделаться от глупых
мыслей. Это не входит в сценарий. Мне нужно закончить
сцену, умыть Криса, найти кота и узнать, к чему готовиться
дальше. Злость и раздражение росли вместе с внутренним
диссонансом. От этого я стала тереть щёку Криса слишком
уж усердно, его кожа покраснела, но он ничего не сказал,
лишь крепче сжал край раковины. Словно наконец смирился
с тем, что проще дать мне делать с собой всё что захочется,
чем спорить.

Закончив, я молча скомкала грязный платок и резко бро-
сила Крису в руки.

— Выбрось, — коротко приказала я и зашагала к двери,
стараясь больше не смотреть в его сторону.

Крис Корвин

Эвелин ушла, а скомканный платок остался в моей руке. Я
медленно поднёс его к лицу. Он пах шоколадом и её духами:
терпкими, цитрусовыми, с нотками горечи. На уголке было
аккуратно вышито: «Э. Вейл».

Я повернулся к раковине, машинально включил воду, под-
ставил платок под струю. Это был её первый «подарок» мне,

и я не собирался его выбрасывать. Плевать, что это глупо.

В зеркале показалось моё отражение с покрасневшими щеками. Я до сих пор ощущал её прикосновения: резкие, неуверенные. В них были неуклюжая забота и неловкость. И это было неожиданно приятно.

Я хотел ещё. Хотел, чтобы она коснулась меня снова. Хотел, чтобы её руки задержались на моей коже дольше обычного. Хотел почувствовать, что я ей нужен не только как игрушка. И это желание пугало.

Судя по всему, между Эвелин и Люцианом всё было не так уж гладко. Это хорошо. Пусть Люциан и все остальные катятся в бездну. Всё, что мне нужно, это немного времени. Остальное я возьму сам.

Первые две учебные недели прошли довольно тихо. Лили, хоть и выглядела дурочкой, оказалась вовсе не так проста. После того случая в кабинете профессора Брауна она явно сделала выводы: не лезла вперёд, не нарывалась, затаилась. Будто выжидала удобного момента. Это бесило. Особенно её умение вызывать у всех сочувствие и приязнь, хотя, как по мне, она была противной и насквозь фальшивой!

А потом случилось совсем уж непостижимое. Та самая Лили, что вечером первого учебного дня не могла сказать, о чём речь в законопроекте, который обсуждался утром, вдруг начала подниматься в рейтинге учеников.

Я сперва думала, это глюк. Или профессора перепили че-

го-то подозрительного. Но нет. Оказалось, Лили знает, что говорить, кому говорить. Я видела, как преподаватели восхищённо смотрят на неё. Как в голосе куратора всё чаще звучит одобрение. И как она изображает невинность, не забывая при этом цитировать нужные параграфы.

Я сжимала зубы и делала вид, что мне плевать, но внутри всё бурлило. Даже зная, что всё это заранее написанный кем-то сюжет, я всё равно не могла ничего с собой поделать.

Сначала я подозревала списывание. Потом — что ей помогает Люциан. К концу второй недели мне уже всю мерещились проклятие и запрограммированность сюжета.

Может быть, потому всё это время кот и не появлялся, что решал за неё контрольные и шептал на ухо ответы?

С Люцианом мы по-прежнему были парой. Ну, как парой. Он приходил ко мне после занятий, делал вид, что интересуется моими успехами, рассказывал про лекции, на которых я сама сидела, и иногда приносил кофе, мы гуляли, обнимались.

Я это принимала. Ведь мне нравилось, что он рядом. Не столько он сам, сколько его статус. Ведь разве может быть королева без короля? Одинокая и никому не нужная.

И всё же хотелось большего. Хотелось, чтобы он снова смотрел на меня с восхищением, как в самом начале отношений. Хотелось, чтобы он понял, кого потеряет, когда мы по сюжету расстанемся.

Кстати о расставании. Что скажут родители, когда он меня

бросит? Что скажет отец? А мать?

«Ты оказалась недостаточно хороша», — вот что они скажут. Или хуже — отправят мне коробку с алым бантом прямо в академию.

Я пыталась не думать об этом. Не сравнивать, не подсчитывать, кому он чаще улыбается и у кого дольше задерживается у парты. Но стоило Люциану склониться к Лили, чтобы что-то разъяснить «по просьбе преподавателя», как внутри у меня вспыхивала злость, приправленная унижением. А вчера он ещё и купил ей кофе просто потому, что случайно задел её локтем и она пролила свой стакан. Конечно, «джентльмен» не мог оставить девушку в беде.

И всё это выглядело так, будто судьба (или в данном случае сюжет) раз за разом сталкивает их лбами. Я снова и снова ловила себя на вопросах: сколько раз ещё он окажется рядом, чтобы «случайно помочь»? Почему улыбается ей так мягко? И если Лили и я будем тонуть, кого он побежит спасать в первую очередь? Хотя, скорее всего, он побежит звать на помощь, потому что плавать Люциан не умеет, а вот делегирует обязанности отлично.

А в один из дней меня вообще переклинило. Я начала размышлять, кого сама бы стала спасать. Допустим, катастрофа. В воде я, Люциан и, допустим... Крис. Вокруг крики, брызги, паника. Вопрос: кого из них спасать?

Ну конечно, никого! Они оба здоровые лбы весом под центнер, а я миниатюрная девушка. Мне их физически не

вытащить. Плюс, скорее всего, они ещё и меня с собой на дно утащат.

А если бы у меня был спасательный круг? Тогда, опять же, логичный выбор оставить круг себе. Если что, соврать, что он дырявый. Просто так, что ли, в одном известном фильме про катастрофу на воде главному герою место на оторвавшейся двери не нашлось? Элементарно, у главной героини был инстинкт самосохранения!

Но если чисто гипотетически, без угрозы для собственной жизни, просто представить, кому бы я его кинула? Люциану, потому что он мой парень? Или Крису, потому что...

А кстати, правда, почему я вообще о нём думаю?

— Эвелин, — Диана пихнула меня в бок, вырывая из странных размышлений. — Извини за прямоту, но сколько можно терпеть? Эта наглая новенькая уже почти в открытую флиртует с Люцианом!

Мы с ней стояли в коридоре, ожидая начала урока по финансовому менеджменту. А метрах в двадцати от нас Лили стояла рядом с Люцианом, размахивая стопкой бумаг. На прошлом занятии профессор по рассеянности смешал их работы, и теперь эти двое разбирались, где чьи расчёты.

Хотелось подойти, вырвать у неё эти бумаги и разорвать на мелкие клочки. Но весь класс слышал, как преподаватель извинился за путаницу и поручил им самим разобраться. Если бы я вмешалась сейчас, выглядела бы как истеричка. Поэтому я лишь поморщилась и отвернулась, не желая смот-

реть, как она лицемерно улыбается Люциану. В этом что-то особенно противное.

— Я намекала, что не в восторге от их общения, — сказала я вполголоса. — Он уверял, что я себя накручиваю, что он помогал ей всего пару раз по просьбе преподавателя, мол, для него Лили значит не больше, чем любая другая девчонка в академии, и он просто пытается быть вежливым.

— Вот именно, он слишком с ней вежливый, — возмутилась Диана, пришлось одёрнуть её, чтобы говорила шёпотом, она наклонилась ко мне поближе. — Может, запугать её? Ну, чтобы она сама к Люциану не подходила? Предлагаю запретить её в туалете и оставить там на ночь! Будет знать, как к чужим парням клеиться.

Я хмыкнула и покачала головой. На самом деле я уже думала о том, чем же припугнуть выскочку, чтобы знала своё место. Вот только мои размышления каждый раз заканчивались тем, что Лили была попаданкой и знала всё, что должно произойти дальше.

Вдруг то, что я придумаю, и так должно быть в какой-нибудь ключевой сцене? А значит, она обязательно подготовится к этому и переиграет меня, как это уже было со стеклом на стадионе. Так что для того, чтобы действовать, неплохо бы сначала узнать сюжет. А противный кот, как назло, пока больше не появлялся. Я уже даже пыталась позвать его несколько раз — бесполезно.

— ...Как насчет того, чтобы... — Диана шептала мне свой

гениальный план, но я почти не слушала, думая, где же найти кота.

Может, поискать вечером? Например, у лестницы, ведущей в архив, где я видела его последний раз?

Я краем глаза проследила за Крисом. Он стоял, прислонившись к стене, в паре шагов от нас и усиленно делал вид, что листает что-то на планшете. Только вот взгляд был направлен чуть выше экрана, и я прекрасно видела: он не читал, он слушал.

— Подслушиваешь? — окликнула я его.

Он изобразил непонимание:

— Мм?

Вот только во вздёрнутых уголках губ мне почудилось: «Разумеется, подслушиваю. Я в курсе всего, даже твоих жалких фантазий о спасательном круге».

Хмуро посмотрела на него, но почему-то отвела глаза первой, в последнее время он слишком легко выбивал меня из равновесия. Это начинало бесить.

Я прочистила горло и поспешила вернуть себе обычную холодную интонацию:

— Не уходи после занятий. Мне понадобится твоя помощь.

В конце концов, он был рядом со мной, когда Заместитель появлялся прежде. Значит, и сегодня тоже стоит его взять.

Крис не успел ничего ответить, как подошёл преподаватель и, не останавливаясь, бросил:

— В аудиторию. Быстро.

Мы с Дианой поспешили за ним, а Крис следом.

Пусть преподаватели академии и ворчали, что джинсы — это «моветон», но я давно поняла: чем уже рамки, тем слаще их обходить.

Формально, на территории академии положено носить форму или придерживаться делового стиля, но прямого запрета на джинсы в уставе не было.

А потому, едва закончились занятия, я крикнула Крису «не опаздывать!» и забежала к себе в комнату переодеться. Вытащила из шкафа любимые джинсы, белую футболку и кроссовки. А если кто-то решит на меня шикнуть — пусть только попробует!

По крайней мере, будет проще исследовать закоулки академии, не рискуя оставить каблук на лестнице или угробить ноги, поскользнувшись на плитке. Уж я-то знала: выживает не самый нарядный, а самый практичный.

Учебный корпус и жилой соединял длинный переход с полом из белого мрамора (в академии определённо любили всё дорогое, пафосное и изысканное), я как раз пересекала его, когда вдруг услышала знакомый голос.

— ...Ну ты только поосторожней с ней, Лили, — сипло выговаривала Аманда Вуд, — Эвелин... может быть очень злопамятной. В прошлом году из-за неё Мира со второго курса всю неделю не выходила из комнаты!

Я сбилась с шага от неожиданности. За все предыдущие годы учёбы я не сказала Вуд ни одного плохого слова (возможно, потому что просто не обращала на неё внимание), а теперь она идёт и на весь коридор разглагольствует о том, что я злопамятная?

И с кем это она меня обсуждает? Рядом как раз была небольшая ниша между высоким фикусом и пожарным щитом. Я уже собиралась шагнуть за поворот. Выйти и заставить Вуд пожалеть о каждом слове, которое она успела произнести. Но тут же поймала себя на мысли: может, сначала послушать? Если Аманда откровенничает, то, может, и Лили в ответ скажет что-нибудь личное? Чужие разговоры — это лучший источник информации.

— Не волнуйся, — уверенно ответила ей тем временем Лили. — У меня есть козырь. Я знаю о Вейл то, чего она и сама не подозревает. Стоит мне открыть на неё глаза Люциану, и он бросит её без сожаления.

— Правда? — с придыханием спросила Аманда.

— Ещё бы, — прошептала Лили. — Главное, не бояться. Я уже посеяла в нём сомнения.

Я нахмурилась. О каком козыре она говорит? Что-то из сюжета? Пока я в уме перебирала все свои возможные «скелеты в шкафу», разговор уже перескочил на новую тему — теперь они обсуждали учебу.

— ...Ты так хорошо учишься, Лили, — вздохнула Аманда. — Говорят, ты скоро Эвелин по успеваемости догонишь.

Можно, я буду вместе с тобой заниматься по вечерам?

— Да я почти не готовлюсь к занятиям, — скромно протянула Лили, но в голосе сквозила самодовольная нотка. — Просто у меня природный талант. Всё запоминаю на лету. А вот Эвелин...

— Что Эвелин? — предвкушая новую сплетню, спросила Аманда.

— Думаю, её оценки фальшивые. Она или списывает, или получает их из-за положения своей семьи.

Я аж подпрыгнула от злости! Это я-то списываю? Это мне, кто ночами корпит над проектами, могут поставить «отлично» просто так?! Да столько времени в библиотеке, сколько я, кажется, не проводил даже библиотекарь! Но, конечно, проще всего сказать, что мои оценки левые!

— Ну... Не знаю... — скептически протянула Аманда.

Еще бы она ей поверила! В конце концов, как бы ни были богаты твои родители, рейтинги в академии выставляют все не за красивые глаза и громкую фамилию, иначе «Аурус» давно бы перестал считаться лучшим во всей стране.

— Зато я знаю, — легко ответила Лили, — просто по-другому быть не может. Неужели не видно? Была бы она действительно умной — не вела бы себя так злобно.

— Это, конечно, да, — кивнула Аманда, всё ещё до конца не убежденная.

Я чуть не рассмеялась вслух. Точно, я ведь злодейка в этой истории. Значит, положительных качеств у меня попросту

быть не может. По крайней мере, с точки зрения главной героини.

Я уже собралась выйти из укрытия, намереваясь преподать этим сплетницам урок, как вдруг раздался спокойный голос:

— Говорить за спиной удобно. Особенно когда сказать в лицо не хватает смелости.

Я вздрогнула, узнав голос Криса. Мне даже захотелось выйти из укрытия, чтобы убедиться, что это действительно он.

— А что? Я где-то соврала? — моментально нашлась Лили. — Или ты хочешь сказать, что Эвелин — добрячка? Уж ты, Крис, как никто должен считать её стервой!

— Кем я считаю Эвелин — моё личное дело, — холодно отчеканил он. — А вот ты только что при свидетелях заявила, что оценки у нас можно получить за красивые глаза и по знакомству. Знаешь, какой это удар по престижу «Ауруса»? Тут за такие намёки летят головы, Лили. Интересно, как ректор отреагирует, если узнает, что только что принятая студентка распространяет подобные слухи? Я бы на его месте первым делом пересмотрел её рейтинг и работы. Может, она судит по ним?

В коридоре повисла тишина, но внутри меня поднялась настоящая буря. Это точно Крис? Мой Крис? Который практически всегда со всем соглашался, не перечил и с опаской смотрел на меня исподлобья?

А эта его фраза: «Кем я считаю Эвелин — моё личное дело». Когда он произнес её, у меня по коже пошли мурашки. Он говорил резко, уверенно, даже опасно.

Я вжалась глубже в нишу между фикусом и пожарным щитом. Сердце стучало где-то в горле. Интерес мешался с беспокойством: а если завтра он так же жёстко попытается заговорить уже со мной? Нельзя допустить, чтобы он вышел из-под контроля. И вместе с тем отчего-то так обжигающе любопытно узнать об этой его стороне больше.

— Я просто высказала своё мнение... — похоже, до Лили наконец дошло, что она сболтнула лишнего.

— За мнение приходится отвечать, — спокойно бросил Крис. — Особенно если оно является клеветой.

— Я ничего такого не имела в виду. Идём, Аманда, — торопливо бросила Лили, видно, решив не связываться. Послышались шаги, но прежде чем уйти, Лили все-таки добавила: — Ты скоро убедишься, кто она такая на самом деле.

В её словах не было угрозы, только уязвлённое разочарование. Они даже не заметили меня, когда обе торопливо прошли мимо ниши.

Лили и Аманда окончательно скрылись где-то за поворотом, и я, выждав ещё немного (чтобы не выглядеть подозрительно), выскользнула из укрытия.

Я шла по коридору, догоняя Криса, и никак не могла решить, говорить ли ему о том, что услышала. С одной стороны, хотелось сказать «спасибо», все-таки он заступился. Это

было неожиданно и даже приятно.

Но с другой... вдруг он просто хотел проучить Лили? Может, ему плевать на меня, просто слухи про академию задели его мужское эго. Я его поблагодарю, а он скажет: «Я тут учусь, я в первой пятёрке среди парней, не люблю, когда льют грязь на то, к чему имею отношение». Тогда я буду выглядеть глупо и жалко.

Да и зачем ему, Кристоферу Корвину, парню, которого я извожу уже пятый год учёбы, защищать меня?

Даже Люциан никогда не вмешивался в таких случаях, предоставляя мне действовать самой. Максимум поддержки от него — это пожать плечами и протянуть: «На сплетни не стоит обращать внимания, Эвелин. Ты должна быть выше этого».

Родители вообще бы заявили, что всё это «ценный урок», «значит, сама дала повод сомневаться в своих успехах», «сама виновата».

За всеми этими размышлениями я не заметила, как дошла до лестницы. Крис стоял на том самом месте, где мы столкнулись в прошлый раз. Увидев меня, он чуть повернул голову и усмехнулся уголком губ. Рад меня видеть? Или показалось?

Глава 7. Слишком близко

Крис Корвин

Первые две недели нового семестра прошли как в тумане. Днём лекции, бесконечные задания, проекты, лабораторные, семинары, практикумы, ну и ещё подработка «помощником» Вейл. Сколько же усилий стоило выкраивать между всем этим время для своего настоящего дела: переписки с разработчиками, решение вопросов по контрактам, проверка отчётов.

Впрочем, именно сплетни студентов порой приносили мне больше пользы, чем работа любых аналитиков. Стоило задержаться в столовой или пройти по коридорам, и всегда находился тот, кто что-то обсуждал вслух. Чей отец получил госконтракт, кто проиграл деньги на бирже, чья семья вошла в новую инвестиционную группу.

По этим разговорам я составлял карту влияния и быстро понимал, на какие компании стоит обратить внимание, с кем выгодно сотрудничать, а кого — обходить стороной.

Но была одна причина, по которой сосредоточиться было особенно сложно. Вернее, одна девушка: Эвелин Вейл.

Казалось бы, за четыре года я уже должен был привыкнуть. Она всё время издевалась надо мной, ломала и наслаждалась этим. Вот только если раньше ненависть к ней толкала меня вперёд, то та буря эмоций, что поселилась во мне

сейчас, скорее мешала, требуя немедленных действий.

Впрочем, ничего удивительного. Пока был слабым, всё, что я мог, это работать, учиться, копить силы. Но теперь я другой. У меня появились деньги, возможности, перспективы. Мне уже мало просто выживания. Я хочу сам видеть, как она сдаётся, как теряет контроль, хочу её полной и безоговорочной зависимости.

Раньше мне было плевать на её отношения с Люцианом. Какая разница, кто её парень? Теперь же каждая их совместная минута действовала на нервы. Стоило Люциану взять Эвелин за руку, и у меня в груди вскипало почти животное бешенство. Вчера я случайно увидел их поцелуй в библиотеке и едва не бросился на Дарвиля с кулаками.

Меня буквально трясло от злости. Я не хотел, чтобы её касались другие. Пришлось срочно уйти, чтобы не выдать себя. Это было дико, ведь я всегда умел держать эмоции в узде. Что же теперь со мной происходит? Не иначе, сошёл с ума.

Радовало одно: Люциан, похоже, всерьёз увлекся Лили Адамс, новенькой стипендиаткой (ну и как после такой глупости его можно считать номером один в академии?!). Мне же это было только на руку, давало шанс забрать Эвелин себе.

И вот сегодня, когда Вейл попросила помочь ей после занятий, я почувствовал азарт. Будет ли у меня шанс начать действовать?

— Ну и зачем ты меня позвала? — лениво спросил я, когда она подошла ко мне в полумраке одного из самых дальних коридоров.

Эвелин ответила не сразу.

— Хочу найти кота, — наконец сказала она.

Я едва не поперхнулся воздухом. Она шутит? Кота? Учитывая место встречи, я ожидал, что она как минимум заставит меня участвовать в подготовке подлянки для новенькой.

— На территории академии запрещены животные, — напомнил я.

— Сама знаю, но я точно видела тут кота. Хочу его найти.

— Чтобы шантажировать владельца компроматом?

— Плохо же ты обо мне думаешь, — она дёрнула подбородком, делая вид, что обиделась.

— Просто хорошо изучил тебя за последние четыре года.

Эвелин, Эвелин. Я знаю о тебе всё и даже больше. Ты сама навязала мне нашу «сделку», сделала меня своей тенью, так что теперь не думай, что можешь что-то от меня скрыть. Или скрыться сама.

Следующий час мы бродили по коридорам. Я заглядывал в закутки, приоткрывал двери, проверял подсобки.

— Кис-кис-кис... — периодически бормотала под нос она. — Может, стоило мяса с собой взять? Или колбасы...

Чем больше проходило времени, тем более хмурой она становилась и тем сильнее я ощущал свою жажду. Я ловил себя на мысли, что хочу дотронуться до неё. Пусть случайно,

пусть по глупости, но ощутить её тепло, услышать, как у неё сбивается дыхание. Начать приручать её, приучать к себе. Она должна принадлежать мне точно так же, как заставила меня принадлежать ей.

Я замедлил шаг и скрылся за поворотом, оставив Эвелин одну в длинном пустом коридоре. Не прошло и минуты, как она позвала меня.

— Крис? Ты где? — требовательно окликнула она.

Я немного выждал, наблюдая из-за угла, как она начинает озираться, подходит всё ближе к повороту, а потом резко вышел вперёд прямо перед её лицом.

Эвелин взвизгнула, от неожиданности едва не потеряв равновесие. Я обхватил её, приобнимая за плечи, талию, будто просто хотел удержать от падения.

На миг её тело оказалось в моих руках, и меня захлестнула горячая волна, почти разряд тока, сердце ухнуло куда-то в пятки. Хотелось вцепиться в неё, оставить след, чтобы она не смогла забыть меня, чтобы каждая минута её жизни была отмечена мной, как когда-то она метила мою жизнь собой:

«Собственность К. Корвина. Не подходить».

— Спятил?! — резко выдохнула Эвелин, тут же оттолкнув меня.

Я хмыкнул, стараясь скрыть разочарование. Её тепло всё ещё оставалось на ладонях.

— Я тебя напугал? Прости, не хотел, случайно вышло, —

пожал плечами, делая вид, что мне всё равно. — Представь, что мы в прятки играли.

— Я не играю в прятки, — осуждающе ответила она.

— Ну, в детстве наверняка играла.

— Нет.

Я моргнул, чуть прищурился.

— Ты сейчас серьёзно? У тебя же два старших брата. Разве они...

— На то они и старшие братья, — отрезала Эвелин, показывая, что не собирается развивать эту тему. — Им со мной было неинтересно. А я люблю сама решать, во что играть и с кем.

Эвелин вдруг хищно прищурилась, словно ей пришла в голову какая-то идея. А в следующий миг сама шагнула ко мне ближе, сокращая расстояние до опасно короткого. Она поднялась на цыпочки, её рука потянулась к моей голове.

Я удивлённо приподнял брови. Что это? Она опять играет? Сердце стучало громче обычного, я едва не сглотнул слишком шумно.

— Кто-нибудь может нас увидеть, — напомнил отстранённым голосом, стараясь спрятать собственную реакцию. — Например, твой парень.

Сейчас бы просто перехватить её руку, толкнуть к стене, чтобы она не могла вырваться, сорвать футболку с плеча и... Нет, нельзя. Маску! Нужно держать маску!

Эвелин вдруг улыбнулась самой невинной из своих улы-

бок и убрала что-то из моих волос, должно быть, паутинку, которую я где-то подцепил, пока ползал в поисках её дурацкого кота.

— При чём тут Люциан? — невинно улыбнулась Эвелин. — Я вообще-то примерная девушка и думаю только о своём парне. У тебя паутинка в волосах застряла. Да ещё и весь рукав испачкан.

Она демонстративно сморщила свой маленький нос.

Быстро окинул себя взглядом. На рубашке действительно обнаружилось большое пятно от пыли и грязи.

Да плевать! В эту игру можно играть вдвоём. Сегодня она будет думать обо мне, а не о своём пафосном парне.

Я медленно начал расстёгивать пуговицы на рубашке, не сводя с Эвелин взгляда. Она, похоже, не сразу поняла, что происходит: на лице мелькнуло изумление. Прежде чем она успела сказать хоть что-то, я уже стянул рубашку и, оставшись в одних брюках, спокойно кинул её ей так, будто это был самый обычный поступок.

Последние месяцы я упорно занялся тренировками, чтобы сбрасывать гнев и держать под контролем ту злость, что годами копилась внутри. Изматывающая физуха позволяла не сорваться.

— Зачем ты?.. — прошептала она, но не договорила, словно вообще забыла, что хотела сказать. Её взгляд будто приклеился к моему торсу.

— Ты разве не это имела в виду? — уточнил я с самой

невинной миной. — Ты же говорила, что если тебе не нравится, что на мне надето, нужно сразу снимать. Я просто следуя инструкциям.

Чтоб её подразнить, я сделал вид, что прислушиваюсь, и негромко пробормотал:

— Кажется, там кто-то идёт...

Эвелин мгновенно всполошилась, метнулась ко мне, растерянно оглядываясь по сторонам, и попыталась расправить рубашку, чтобы натянуть на меня обратно.

— Ты совсем с ума сошёл? Если тебя так увидят?! — зашептала она с паникой. — Ты должен помогать мне сохранить лицо, а не наоборот!

Она случайно дотронулась до моего живота и вдруг замерла. Её ладонь сжала кожу, отчего у меня в горле вспыхнул стон. Я с трудом его задавил, глотая волну остро-сладкого электричества, прокатившегося по телу.

— Ты мне рубашку наизнанку накинула, — заметил я с кривой усмешкой. — Хочешь, чтобы я так и ходил? Впрочем, как скажешь.

— Да... то есть нет! — спохватилась Эвелин, протягивая руки к моим плечам. Она принялась возиться, опять задевая кожу.

Внутри свился тугой узел, и если бы не оставшиеся крохи самоконтроля, я бы зарычал. Еще месяц назад не поверил бы, что буду стоять в коридоре с полуголым торсом, когда моя мучительница сама повиснет у меня на груди.

Только бы не дать ей понять мои истинные чувства.

И тут она резко тряхнула головой, словно отгоняя лишнее, и с силой, которой я никак не ожидал, толкнула меня.

— Оденься сам. Взрослый мальчик, справишься. Больше не раздевайся так, это глупо. Переоденешься у себя в комнате, — знакомая ледяная маска вернулась на лицо, её голос стал твёрдым и хлестким. — Кажется, кота сегодня мы всё равно не найдём, — сказала, уже не глядя на меня. — Если будешь нужен, то я тебя позову. А сейчас свободен.

По спине пробежал холодок, а сердце пропустило удар.

Она скрылась за поворотом, а я остался стоять в пустом коридоре. Ничего. Неважно, как далеко она уйдёт, от собственной тени ей все равно не сбежать.

— Кажется, кота сегодня мы всё равно не найдём, — проворчала я с лёгкой досадой и медленно развернулась в сторону жилого корпуса. — Если будешь нужен, то я тебя позову. А сейчас свободен.

Я почти побежала прочь, будто от огня. Только за первым поворотом позволила себе остановиться, прижала руки к лицу, пытаясь унять жар на щеках.

Что со мной не так?! Ну зачем я на него уставилась? И главное — зачем трогала его?

В голове всё путалось. Я ругала себя последними словами: мне нужно было соблазнить его ради любовной линии, чтобы поддержать сюжет, а не самой вляпаться!

Всё моё самообладание куда-то делось.

А самое ужасное, что он ещё и стоял как истукан, даже глазом не моргнул! Неужели ему вообще было плевать? Может быть, я его не привлекаю? Люциан бы давно завёлся, окажись он сегодня на его месте, а этот — будто вообще не понимал, что происходит!

«Как мне тогда с ним любовную линию завязать?» — раздражённо подумала я. Где-то внизу живота становилось особенно тяжело, стоило вспомнить, как ощущались под пальцами горячие мышцы.

Ну кто бы мог подумать, что под всеми этими рубашками у Криса такое тело... Кажется, ещё в прошлом году он был совершенно другим.

Через пару минут я всё же перевела дух, сделала долгий прерывистый выдох и заставила себя идти дальше в сторону жилого корпуса. Хватит думать о Крисе. Достаточно его на сегодня, и вообще, это блохастый кот во всём виноват!

— Тоже мне замысел, великий и ужасный, — бубнила я сквозь зубы. — Да в надписях на баллончике с освежителем воздуха смысла больше, чем в нём и этой дурацкой книжонке «Золотой лёд академии «Аурус»! Вот куда кот пропал? Я что, в одиночку должна со всем этим разбираться? Кому это больше всего нужно, мне или этому облезлому?!

И тут я едва не споткнулась о серую тушу, оказавшуюся прямо у меня на пути.

— Ну чего ты спать не даёшь, — раздалось перед самым

носом, — бубнишь и бубнишь, дай отдохнуть уже...

И в доказательство своей усталости он так широко зевнул, что при желании можно было разглядеть, что он сегодня ел.

— Наконец-то! — прошипела я. — Я столько времени тебя ищу, а ты тут устроил лежачего полицейского?! Почему раньше не откликался?

— Устал, — томно протянул кот. Чтобы доказать, как именно он «устал», он демонстративно свернулся клубком, сунул морду в лапы и сделал вид, что снова спит.

— От чего ты устал, если всю работу спихнул на меня?! — вырвалось у меня.

Кот встрепенулся, уши встали торчком, медальон блеснул на шее. Он покосился на меня сонными глазами.

— Я, между прочим, работаю на износ: эта новая Лили совсем не хочет учиться. Только перед зеркалом крутится да модные журналы листает, мечтая, куда они с Люцианом поедут в свадебное путешествие. Без меня она бы уже все предметы заporола, вылетела из академии, и книги бы больше не было, — фыркнул он, обиженно тряхнув усами. — С настоящей главной героиней таких проблем никогда не было.

«Опять эта Лили, и тут она!» — меня буквально передёрнуло, а раздражение только усилилось.

— Ах ты устал и уснул, мой бедный пушистый страдалец? — я улыбнулась, но судя по тому, как напрягся кот, моя улыбка ему не понравилась. — Значит, пока я столько времени бегала в поисках тебя, ты утомился из-за тупой как проб-

ка попаданки?! Ты мог хотя бы предупредить, что занят её «великими успехами», чтобы я не наматывала круги по корпсам?!

Кот втянул голову в плечи и виновато повёл ухом.

— Думаешь, мне это самому нравится? — протянул он жалобно, даже голос стал тоньше. — Я тоже ей в няньки не нанимался! Я, между прочим, замысел... великий, ужасный и грандиозный, — он ткнул лапой в медальон на груди, и тот жалобно звякнул, подыгрывая его тону. — Я хочу вкусно есть, много спать... а не вот это вот всё!

Кот с самым страдальческим видом прикрыл глаза.

— Чтобы меня гладили и сказки мне рассказывали или, на худой конец, показывали сериалы. Но нет, приходится терпеть эту новую Лили, которая так и норовит всё испортить!

— Так с какой стати ты тратишь силы на неё? — холодно бросила я. Если он надеялся меня разжалобить таким образом и спихнуть ещё больше работы, то не на ту попал! — Твоя задача — помогать мне, а не этой пустышке.

— Но ведь если её исключат, то сюжет точно сломается! Книги больше не будет...

Я скрестила руки на груди и... вдруг поймала проскользнувшую в голове мысль: а что, если «книги больше не будет» — не так уж и плохо? В том случае, разумеется, если исключат её, а не меня?

Если этот мир станет реальностью, но такой реальностью, в которой у меня будет всё отлично? Это определённо нужно

было хорошо обдумать.

— Ладно, замысел, — я кивнула, делая вид, что решила «забыть» о его оплошности. — Когда следующая ключевая сцена? К чему мне готовиться?

— О, не переживай, до благотворительного вечера ничего особенного. Ты ведь помнишь, что скоро в «Аурусе» благотворительный вечер? — лениво ответил он.

Конечно, я помнила! Я же учусь тут, в конце концов. Каждый год «Аурус» проводил в это время встречу бывших выпускников, добившихся высот, а после проходил пафосный бал.

Выпускники пили, красовались друг перед другом, делали вид, что щедро жертвуют ради будущего науки, а на деле присматривались к перспективным студентам, словно выбирали породистых лошадей на ярмарке: кого можно на работу взять, а с кем, например, неплохо бы породниться.

Еще чуть-чуть, и коридоры наполнятся разговорами о нарядах и украшениях, а также о том, кто с кем пойдёт на бал. Я и сама в прошлом году была не лучше: взволнованная, подававшаяся всеобщей истерии. Всё, что меня тогда интересовало, пригласит ли меня Люциан. Странно... почему в этот раз мысль идти с ним в паре не вызывает прежней радости? И тут я поймала себя на неожиданном вопросе: а Крис в прошлом году вообще ходил на бал?

Хм... должен был идти. Ведь парни не лучше девушек в этом плане. Бал для них — это шанс показать себя во всей

красе и отрастить ещё чуточку самомнения. Хотя где Крис и где самомнение. Он ведь мой мальчик на побегушках.

— До бала ещё две недели, — я прищурилась. — Хочешь сказать, в книге за это время ничего не происходит? Ну-ну. Рассказывай давай! Или я начну подозревать, что ты не только помогаешь Лили с учёбой, но и тайно желаешь, чтобы она к собачей бабушке сломала всю книгу! На чьей ты вообще стороне, а?

— Я на стороне сюжета, — кот был явно недоволен моим напором.

— А я на стороне здравого смысла, и он шепчет, что ты от меня слишком много скрываешь, — отчеканила я.

Заместитель повёл хвостом и недобро прищурился.

— Ты вообще-то злодейка, если забыла. А злодейки не должны знать слишком много. Иначе вы начинаете хитрить, искать лазейки и нарочно выворачивать всё наизнанку. Так что чем меньше ты знаешь, тем меньше у тебя соблазна свернуть с нужной дорожки в угоду себе.

— То есть ты мне не доверяешь?! — возмутилась я. — Если я такая ненадёжная, так буди Люциана или ещё кого-нибудь!

— Я доверяю тебе спасти сюжет, по мне, так это и есть самое главное, — он вздохнул и, словно пытаясь сгладить моё раздражение, добавил: — Ладно, если хочешь знать, то незадолго до бала, на занятии по финансовому прогнозированию, профессор Стефанис распределит тебя, Лили и Люци-

ана в одну группу, как самых лучших учеников по его предмету.

«Это Лили-то лучшая в прогнозировании?» — скептически подумала я.

— Но там тебе ничего делать не нужно. Просто быть собой. Люциан посмотрит на вас двоих рядом и сам поймет, кто лучше.

Конечно же, я лучше. Тут даже сравнивать нечего. Как будто у кого-то могут быть сомнения. Эта Лили же вообще собой ничего не представляет!

— А что будет на балу? Ты ведь не просто так упомянул про него?

— На балу злодейка запрёт героиню в туалете, дальше там произойдёт короткое замыкание и задымление, но Люциан её спасет. Так что всё, что нужно будет тебе сделать, это запереть Лили в туалете.

Я представила дым, сирены, крики...

Великолепный план. Просто мечта любой уважающей себя злодейки! И при этом если Люциан опоздает, а о том, что Лили заперла в туалете именно я, станет известно, это может быть расценено как «причинение вреда по неосторожности».

Хотя, если подумать, туалет идеальное место для Лили. Ей даже не придётся привыкать к запаху хлорки и мусорных ведер, от неё ими и так за версту несёт.

«Ломать сюжет пока не стоит, но всё-таки так явно подставляться не нужно...» — рассудила я. Что ж, время всё

обдумать ещё было.

— Поняла, — коротко сказала я. — У меня остался ещё один вопрос. Сегодня я слышала, как Лили говорила о каком-то «козыре». Скажи честно: насколько много касательно меня ей может быть известно из книги?

Я старалась говорить безразлично, но сердце всё равно больно толкнулось о рёбра.

— Всё, — скучающе сообщил Заместитель. — О тебе ей известно всё.

Меня обдало холодом. «Всё» — это слишком широкое слово. Например, она знает, что это я подставила Криса? Что, если она расскажет ему? И ладно ещё только ему, это может разнестись вообще по всей академии...

Во рту моментально пересохло, а пульс зазвучал в ушах тяжёлым молотком — бах, бах, бах — и каждое «бах» рисовало новую картинку позора: шёпот в коридорах, переглядывания на лекциях.

— «Всё», — передразнила я хрипло, даже не сразу узнавая свой голос.

— Ну, может, не совсем всё. Но ты же главная злодейка, поэтому про тебя много в книжке написано, вот о втором зл... — он странно покашлял, словно подавился, — о втором главном герое, Крисе, подробностей мало, например.

— Может, стоило раньше мне это сказать?!

— Ой, да ладно тебе. Лили ведь не совсем дурочка, распускать сплетни, которым нет подтверждения, — кот легко-

мысленно махнул хвостом.

В этом, конечно, Заместитель был прав, у этой попаданки нет и не может быть никаких доказательств, что бы там ей ни было известно. Я сглотнула, старясь взять себя в руки. Что ж, Лили, посмотрим, кто кого.

Глава 8. Моя игра — мои правила

Лили Адамс

«Меня зовут Лили Пайнс, и я попаданка!» — по крайней мере, если бы я оказалась на собрании попаданок, начала бы именно с этого.

Ещё недавно я жила в дешёвой съёмной комнате с кучей тараканов, бегущих ко мне от соседей, и то и дело отключающимся электричеством, работала в огромном супермаркете и покупала еду только по акциям. Моим единственным развлечением было чтение романов, которые я тайком брала на полках магазина, читала в подсобке, а затем возвращала на место.

Один из таких романов стал моим любимым: «Золотой лёд академии «Аурус», бестселлер, выходивший огромными тиражами и получивший множество переизданий. В нём было прекрасно всё. Но, главное, героиню звали так же, как и меня — Лили.

Она была бедной сироткой, которой вдруг выпал шанс попасть в престижную академию «Аурус». Там ей приходилось несладко. Богатые ученики посмеивались, преподаватели намеренно придирались, считая, что она тут лишняя. Но именно это делало историю такой близкой мне. Ведь я знала, каково это, быть лишней, чужой, ненужной.

Потом Лили заметил самый красивый и богатый парень

академии, Люциан Дарвиль. И да, у него уже была девушка: Эвелин Вейл. В книге та была описана настоящим кошмаром, готовым изводить героиню при каждой встрече. Но чем больше злодейка показывала свою мерзкую сущность, тем яснее Люциан понимал, что ему нужна только Лили.

В конце концов, он разорвал отношения с Эвелин и начал умолять Лили быть с ним. Настоящая победа добра, настойчивости и чистого сердца! Финал романа был словно сладкая сказка: Лили получала своего «принца» и всё его «королевство» в придачу, а злодейка получала по заслугам!

Для меня «Золотой лёд академии «Аурус» стал не просто историей. Он был единственным лучиком света, когда вокруг была только серость. Я представляла себя на месте героини, повторяла её реплики, знала наизусть некоторые сцены. Читала, что пишут про книгу в интернете, и писала комментарии сама. Спорила с хейтерами, которые называли Лили Адамс картонной и «слишком идеальной». Нет! Она была настоящей, потому что я чувствовала её каждой клеточкой.

И я мечтала оказаться на её месте.

А потом... мне вдруг повезло. Проснувшись однажды утром, я поняла, что попала в «Золотой лёд академии «Аурус».

Но если Лили в книге терпела и ждала, пока жизнь сжалится и даст ей кусочек счастья, то я — Лили Пайнс — ждать не собиралась.

С меня хватит тараканов, дешёвой лапши быстрого при-

готовления и вечных «потом». Я знала сюжет. Я знала, кто и когда попытается унижить Лили, где её подстерегают подставы. Знала, что Люциан Дарвиль по сюжету должен «вдруг заметить» меня только после десятка унижений.

А зачем терпеть? Почему я должна ходить с опущенной головой, пока злодейка красуется в коридорах «Ауруса»? Нет уж! Я заберу всё и сразу.

Первым делом — одежда. Не будет никакой «бедной сиротки», над которой посмеиваются. В «Аурусе» встречают по одежке. Значит, одежка у меня будет такой, чтобы даже эта золотая молодёжь обзавидовалась.

Тут-то мне и пригодилось знание деталей романа. В книге мельком упоминалось, что Лили внебрачная дочь одного влиятельного чиновника, который однажды изменил жене с матерью Лили. Настоящая Лили была слишком «благородной», чтобы использовать это. А вот я благородной не была.

Так что я заявила к «папочке», прошмыгнув мимо секретарши, громко поздоровалась, достала фотографию матери и спокойно озвучила цену за молчание.

Пусть хоть кто-то упрекнёт меня в этом шантаже. Он изменил? Изменил. Бросил мать Лили? Бросил. Значит, пора платить по счетам, и платить щедро.

Папочка бледнел, хмурился, пыхтел, даже попытался выставить меня, но в результате всё-таки заплатил.

Следующим пунктом плана было простое правило: никогда не ждать, пока Эвелин начнёт свою мерзкую игру. В кни-

ге героиня терпела, плакала ночами в подушку. Я же собиралась обходить подставы и одновременно сама гадить Вейл.

Но самое главное — держаться подальше от Криса Корвина. В романе он выглядел как «второй главный герой». Многие читатели даже шипперили его с Лили, спорили в комментариях, доказывая, что именно он достоин её сердца.

Но я считала, что он ещё хуже, чем злодейка Эвелин! Да, поначалу Крис казался типичным «третьим лишним», но чем дальше шёл сюжет, тем сильнее раскрывалась гниль этого персонажа.

С виду он казался тихим и милым, а на деле был психически неуравновешенным! Кажется, таких, как он, ещё называют «яндере».

Сначала он вёл себя по отношению к Лили идеально, защищая от нападков Эвелин, даже если самому в итоге доставалось, но стоило Лили окончательно выбрать Люциана, как всё изменилось. За его внешней добротой вскрылось нечто тёмное и опасное.

У него нашлись тайники с её фотографиями и мелочами, которые он собирал словно трофеи. Всё это выглядело не как случайные находки, это был тщательно созданный «алтарь», на котором Лили принадлежала только ему.

Однажды он нарочно устроил так, чтобы героиня осталась с ним наедине в замкнутом помещении, и говорил вещи, от которых становилось жутко и страшно. А потом и вовсе попытался подставить Люциана, так что того едва не арестова-

ли.

Он вёл себя как герой-рыцарь только до тех пор, пока у него оставалась надежда. А когда понял, что не получит желаемого, то сорвался. И как только многие девчонки могли его оправдывать? «Он же любил её по-настоящему», «он страдал», «он тоже жертва»... Фу! Нет. Он был одержимым чудовищем, и точка.

И всё-таки, если я хотела победить Эвелин как можно скорее, мне нужна была помощь этого «чудовища».

В книге Лили вместе с Крисом нашли доказательства того, что Эвелин подставила Криса Корвина на первом курсе. После этого Крис окончательно перешёл на сторону Лили и приложил немало усилий, чтобы в конце романа «злодейка» получила по заслугам.

И пусть любовных отношений я с ним не хотела, но вполне была согласна, чтобы Корвин работал на меня в деле низвержения «королевы академии «Аурус».

В битвах даже чудовища могут быть полезны. Главное, не подпускать их к себе слишком близко.

Крис Корвин

Прошло около двух недель с тех пор, как мы с Эвелин искали кота. И каждый раз, когда я вспоминал о том, как держал её в руках, как чувствовал под пальцами её тепло, внутри что-то дёргалось, словно организм требовал ещё.

Я пытался отвлечь себя. Кроме учебы, курирования рабо-

ты собственной фирмы, я занялся новым проектом: ещё в прошлом году выкупил сеть захудалых клубов с сомнительной публикой. План был прост: превратить их в модное место, куда золотая молодёжь будет рваться сама, а на деле использовать для сбора информации, чтобы иметь доступ к инсайдам после выпуска из «Ауруса».

Даже название уже придумал, броское лаконичное «Эвэ», и логотип в виде буквы «V». И нет, это никак не связано с Эвелин Вейл! Абсолютно.... Просто звучит удачно, вот и всё...

Я уходил с головой в работу, но стоило Эвелин оказаться поблизости, настроение моментально портилось.

Теперь она словно нарочно держала дистанцию: едва я оказывался чуть ближе, тут же получал холодный взгляд. Она стала избегать даже случайных касаний. И всё больше времени проводила рядом с Люцианом Дарвилем.

Люциан. Он был бельмом на глазу, с его прилизанной причёской и уверенностью в том, что всё в «Аурусе» принадлежит ему, включая Эвелин. Я долго терпел, но в конце концов не выдержал.

И сделал так, чтобы кофе «случайно» пролился на личный планшет Дарвиля, где он хранил материалы к годовому проекту. Сервер, где могла бы быть резервная копия, также по «чистой случайности» в тот вечер «лежал». Люциан бесился как побитый пёс, но доказательств, что это сделал я, не было.

Пусть радуется, что лишился пока только наработок про-

екта.

Не так давно я случайно подслушал его разговор в библиотеке. Зашёл за нужной книгой и оказался между высокими стеллажами. Стоило шагнуть вперёд, как голоса с другой стороны полок стали отчётливо различимы.

— Твой отец настаивает на помолвке? Ничего себе, я думал, ты до тридцати не женишься! — воскликнул Зак Питерсон. Его самого я не видел, но узнал сразу, как и того, кто ему ответил.

— Отец хочет получить доступ к инвестициям семьи Вейл, это будет просто сделка, только и всего, — особой радости в тоне Люциана не было.

— А ты сам? Я бы на твоём месте прыгал от счастья. Эвелин же такая горячая!

— Ага, особенно когда злится, — фыркнул Люциан. — И в постели, наверное, просто ураган. Жаль, пока не пробовал, хотя думаю скоро это исправить. Но, знаешь, я бы с удовольствием завёл себе кого-нибудь попроще. Будет легче управлять. Всё-таки мужчина должен быть в семье безусловно главным, а жена — смотреть ему в рот.

Я застыл, вжимаясь в деревянную полку. Внешне оставался спокойным, но внутри... внутри всё закипало.

— Эвелин слишком властная, — добавил Люциан, будто ставя точку.

Я едва не расхохотался в голос. Слишком властная? Да рядом с Дарвилем Эвелин была ласковой кошечкой, только

что на коленях не мурлыкала.

«Видел бы он, какой властной она бывает, когда остаётся со мной наедине», — от одной этой мысли по телу прошёл жар. А от желания оказаться с Эвелин наедине прямо сейчас буквально закипела кровь.

Только теперь, в моих фантазиях, Эвелин уже не командовала... она становилась той самой ласковой кошечкой, готовой свернуться клубком в моих руках.

«Выходит, для Люциана это просто игра? Просто сделка? И Эвелин в этой сделке было бы приятнее заменить?» — улыбнулся я, обдумывая услышанное.

Так я начал строить план. И ближайшим удобным временем для его осуществления был благотворительный вечер, который ежегодно устраивала академия «Аурус».

Я шёл по коридору, продумывая детали плана, когда вдруг Лили Адамс резко перегородила дорогу.

— Привет. Надо поговорить.

Если в этой академии и существовал кто-то, кто раздражал меня сильнее, чем Люциан Дарвиль — то это была Лили Адамс. Не потому что она новенькая. Просто с первой же встречи она встала поперёк горла. В самый первый день, когда налетела на меня, из-за чего сок, который я нёс, оказался на белоснежной блузке Фокс, подружки Эвелин. А потом Адамс ещё и заявила нагло: «Из-за тебя эта девушка вся в соке»!

Так что говорить с ней я был не намерен. Лишь на миг

замедлил шаг, прикидывая, как её лучше обойти.

— Уйди с дороги, — спокойно сказал я.

— Ты ведь хочешь избавиться от Вейл, верно? — она скрестила руки на груди. — Я знаю, как сильно ты её ненавидишь.

— Ты уверена, что знаешь, о чём говоришь? — произнёс я тихо, глядя поверх её плеча.

— Конечно, знаю, например, я знаю, что она заставила тебя на третьем курсе вылезти ночью в окно, чтобы пронести в женское общежитие закуски, когда она с подругами что-то отмечала. Ты тогда едва не свалился, подвернул ногу и потом две недели хромал, а она только дразнила тебя за это.

Я всегда считал, что умею держать лицо. Но сейчас уголки глаз непроизвольно дёрнулись, а голос стал на полтона ниже.

— Наводила обо мне справки? — растягивая слова, спросил я. — Или просто собираешь грязные сплетни?

— Просто хочу помочь тебе отомстить ей. Враг моего врага — мой друг, не так ли? — продолжила Лили с притворным сочувствием. — Так что... предлагаю сделку.

Кто она такая, чтобы совать нос в наши отношения?! Эвелин — моя. И никто не имел права судить или вторгаться в эту зону, где годами копились унижения, взгляды, едва заметные прикосновения.

Я резко сделал шаг вперёд, так что Лили пришлось отступить. Хотел толкнуть её. Хотел зажать запястья и вдавить в ближайшую стену, просто чтобы она замолчала, но не сделал

этого.

Вместо этого выдохнул: медленно, осторожно. Я же не псих какой-нибудь. Я же себя контролирую. И я снова сделал шаг назад. Восстановил дистанцию. В любом случае нужно узнать, что она задумала.

— И что же это за сделка? — наконец спросил я уже спокойнее. Почти равнодушно.

— У меня есть доказательства, — сказала она, заглядывая мне в глаза. — Улики, которые подтверждают, что ты не ломал стенд на первом курсе. Эвелин подставила тебя.

Мир на миг замер.

— Повтори, — потребовал я. Голос стал хриплым.

— Я знаю, что тебя тогда подставили. И я могу передать тебе эти доказательства, — она сделала невинное выражение лица. — Если согласишься работать со мной, они — твои.

Стенд... Этот проклятый стенд. После которого я стал должником Эвелин. А значит, стал её.

Я смотрел на Лили, не отвечая.

— Вместе мы её уничтожим, — сказала Лили, медленно, по слогам, словно заманивая в паутину.

Я всё ещё молчал.

— И где сейчас эти доказательства? — спросил я, не меняя тона.

Лили фыркнула, будто мы уже перешли на следующий этап сделки:

— Посмотри документы по ремонту стенда повниматель-

нее. Они в архиве. Ты удивишься.

Я кивнул. Просто кивнул и, не прощаясь, обошёл её, задев плечом.

— Эй! — окликнула она. — Мы ещё не обсудили, что ты должен будешь сделать!

— Я тебе ничего не должен, — не оборачиваясь, бросил я.

— Но ты ведь теперь работаешь на меня?

— С чего бы? Я разве тебе что-то должен? — я повернул голову вполоборота. — Будь осторожна, Адамс. Желание играть в заговорщиков иногда заканчивается тем, что жертвой обмана оказываешься ты сам.

— Но... — начала она, а я уже шёл прочь. — Отлично! — раздражённо крикнула Лили вслед. — Можешь действовать сам по себе. В любом случае, ты всё равно сделаешь то, что мне нужно!

После разговора с Лили я пошёл напрямик в архив. Каждый шаг отдавался пульсацией в висках. Ритм сбивался, дыхание срывалось от ярости.

У меня не было официального доступа в архив, но я знал, как можно его получить: это было лишь вопросом умений и времени. По пути я запрещал себе думать о том, что сказала Адамс, сначала нужно было убедиться, что она не соврала.

Понадобилось около часа, чтобы незаметно взломать систему безопасности «Ауруса» и выдать самому себе «разрешение» на вход. Ещё через полчаса я уже держал в руках папки с документами по ремонту оборудования. Найти в них

нужные файлы тоже оказалось не сложно.

Первый раз, когда я пролистал их, то почти выдохнул: не было ничего, что бы подтверждало слова Лили.

«Ну конечно, она соврала мне... хотела использовать...» — но не успел я закончить мысль, как взгляд упёрся в строчку с описанием причин поломки.

Отказ оборудования в результате попадания жидкости на узлы стенда, что вызвало коррозию и кристаллизацию припойных и контактных соединений.

Выявлены отложения сахаров и органических кислот, а также карамелизованные липидно-углеводные остатки, наличие которых ускорило развитие электрохимических процессов и привело к электрическим замыканиям и полному отказу отдельных блоков.

Я прочитал строчку ещё раз. Потом ещё.

— Сахара? Липидно-углеводные остатки? — и хрипло рассмеялся сквозь ком в горле.

Разве причина была не в том, что я пролил воду? Обычную, негазированную, без всякого, мать его, сахара?!

Я с силой ударил кулаком по столу так, что папки подпрыгнули, благо в архиве в этот момент был только я один.

Почему причина поломки выглядит так, будто на стенд была пролита не вода, а сладкая газировка? И почему я раньше не вчитался в эти гребанные документы?!

В груди росло что-то липкое, мерзкое, смесь тошнотворного облегчения и рвущейся наружу ярости. Облегчения,

потому что это означало: не я виноват. От воды не могли остаться такие следы. И ярости, потому что всё это время меня держали на цепи, тыкали носом в «долг» из-за проступка, которого, оказывается, не было.

Кулаки сжались так сильно, что ногти вонзились в ладонь. Лоб покрыла испарина, в горле першило. На языке ощущался металлический привкус, я прикусил его, сдерживая крик ярости. Хотелось рвать документы на куски, орать так, чтобы стены содрогнулись, но я только стиснул зубы.

— Значит, это было подстроено... — выдохнул я. — Эвелин.

Все эти годы я выполнял её приказы, терпел её выходки, был её оруженосцем, был её вещью, а она смеялась надо мной, ломала как ей вздумается.

Вспомнилось, как она заставляла меня стоять на коленях, «извиняясь» за очередную выдуманную провинность. Как писала на моих вещах, называя меня своей собственностью. Как смеялась, наблюдая мои унижения.

Я думал, что сам во всём виноват, что расплачиваюсь за собственный промах, а оказывается, всё это было намеренно ею спланировано?

Внутри что-то перекошилось, обострилось до предела.

Боль, копившаяся годами, словно расплавленный металл разлилась по груди, сковывая рёбра железными обручами. Каждый вдох отдавался острыми иглами, а в висках пульсировала глухая животная ярость — та самая, что долгие годы

дремала где-то в глубине, питаюсь унижениями и молчаливым бессилием.

Но сквозь алую пелену гнева в сознании маячил также ещё один вопрос: откуда у Лили эти подробности? Как она узнала о характере поломки ещё до того, как я сам начал рыться в пыльных архивных папках? Слишком точно, слишком конкретно, это никак не сходилось. Неужели и тут след ведёт к Эвелин?

Эвелин, Эвелин... везде только она! Ещё немного — и начало казаться, что ничего больше не существует, кроме одного — её имени.

Я должен тоже сделать ей больно, не физически, нет, ещё хуже. Я должен вывернуть её душу наизнанку. Заставить её прочувствовать всё, что чувствовал я за эти четыре проклятых года, только разом, концентрированно.

И всё, что она сделала со мной, я сделаю с ней. Только в десять раз хуже.

Плевать, что я до сих пор вдыхаю её имя сквозь зубы как проклятие.

Эвелин Вейл, я возьму твою жизнь в свои руки. И буду медленно сжимать, пока ты не начнёшь меня умолять и не попросишь пощады. Потому что теперь моя очередь играть с тобой.

Глава 9. Учись отделять личное

Наряды для благотворительного вечера доставили за несколько дней до бала. Я выбрала изумрудное платье и теперь примеряла его. Ткань мягко легла по фигуре, глубокий оттенок заиграл в унисон с рыжими волосами, делая их ярче, а белые пряди перекликались с тонким жемчужным поясом на талии. Я вышла из гардеробной в комнату, где уже ожидал Люциан.

Он замер, глаза загорелись тем самым огнём, от которого сладко щемило в груди. Мне нравилось чувствовать себя красивой и желанной.

— Ты выглядишь... очень соблазнительно, — его взгляд скользнул к моему декольте, он шумно сглотнул. — Уверена, что стоило выбирать этот фасон? Все парни будут таращиться только на тебя.

Я подошла ближе, игриво наматывая прядь волос на палец:

— Это же хорошо! Твоя девушка затмит всех.

— Иногда, — он поджал губы, — кажется, что моя девушка затмевает и меня.

— Что? Хочешь, чтобы на тебя тоже таращились парни? — фыркнула я, не понимая, к чему он клонит. Но, заметив, как он нахмурился, попыталась сгладить фразу:

— Перестань, ты же сын Дэниела Дарвиля. У тебя и так

есть всё внимание мира.

— Вот именно, — проворчал он. — Сын Дарвиля. Только и слышу это.

Я моргнула, растерявшись.

— Ты наследник огромного состояния, за тобой будущее, естественно, все говорят об этом и завидуют тебе. Даже я, — пошутила, стараясь разрядить обстановку, но он не улыбнулся.

— Завидуют не мне, Эвелин. Моему отцу и его власти, ты и сама знаешь.

Ох, ну вот что на него нашло? Да понятно же, что завидуют прежде всего Дарвилю-старшему, именно тот сейчас имеет вес и влияние в бизнесе. Но разве родиться в богатой семье — это плохо? Он же вытащил счастливый билет! Лучшие репетиторы, связи, любые возможности, да этим надо пользоваться, а не ныть о том, что у тебя дома собственный спортзал.

Я склонила голову набок, прищурилась и хмыкнула:

— Я знаю то, что ты лучший в учёбе и спорте. Во всей академии «Аурус» с тобой никто не сравнится. Так что перестань хандрить и лучше примерь свой наряд, хочу посмотреть, как он будет сочетаться с моим платьем!

— Конечно, — он чуть усмехнулся, — но, боюсь, изумруд мне идёт куда меньше, чем тебе. Как, впрочем, и всё остальное. Рядом с тобой любой мужчина будет смотреться статистом.

Он сказал это с улыбкой, даже добавил лёгкий смешок, будто шутил, и чуть приобнял меня за талию, словно флиртовал. Но укол я почувствовала отчётливо.

«Ну а кто тебе мешает не быть статистом? Хочешь, чтобы я шла за тобой, так веди!» — хотелось бросить в ответ. Но я прикусила язык и заставила себя промолчать.

К тому же статист у меня уже был, это Крис. Только в последние дни он вёл себя странно: безукоризненно вежливый, исполнительный, вся дерзость, которую он показывал ещё недавно, куда-то испарилась. Вот только при этом он стал невыносимо холодным и каким-то замороженным.

От этой мысли захотелось, чтобы Люциан поскорее ушёл. Чтобы наступило завтра и можно было пойти на пары, сесть на своё место и снова наблюдать за Крисом. Может, тогда я пойму, что с ним происходит?

Я тут же разозлилась на себя. С какой стати я вообще думаю о нём, когда рядом стоит Люциан? Неужели я действительно втянулась в роль, которую навязал этот усатый Заместитель? Дурацкий кот! Дурацкий Крис! И я сама тоже полная дура!

Я тряхнула головой, отгоняя лишние мысли. Хватит! У меня впереди бал, и я намерена на нём сиять. Но для этого нужно кое-что сделать.

На следующий день между парами я прошла в сторону рабочих, которые сновали повсюду в коридорах, развешивая приветственные баннеры, штандарты с гербом академии,

расставляли цветочные композиции, и обратилась к их бригадиру:

— В туалете на первом этаже лампочка моргает, — бросила я с той ленивой интонацией, с какой делают замечания слугам. — Проверьте, пожалуйста, проводку.

Бригадир тут же что-то отметил в блокноте, пообещав исправить. Я отправилась на следующее занятие, чувствуя облегчение.

Слишком уж не давала мне покоя фраза Заместителя касательно следующей ключевой сцены: «По канону злодейка запирает героиню в туалете, дальше там происходит короткое замыкание и задымление, но Люциан её спасет».

Мне не было жалко бедную сиротку, отнюдь. Но одно дело — припугнуть её, поставить на место, заставить дрожать при одном моём взгляде. Совсем другое — устроить ловушку, где она могла бы пострадать всерьёз. Это слишком легко может обернуться против меня самой.

Марать руки ради того, чтобы потом любоваться картинкой «герой спасает невинную»? Да за кого этот блохастый котяра меня принимает? Пусть попаданка наслаждается своей сказкой, но не за мой счёт!

Кстати о сказке...

На прошлом занятии профессор Стефанис обмолвился, что сегодня собирается распределить нас по группам для общего проекта. И работать бок о бок с этой выскочкой я точно не собиралась.

Заместитель ведь не стал называть это ключевой сценой, значит, ничего судьбоносного тут нет. Думаю, сюжет от моих коррективов не развалится.

В конце концов, Люциан не настолько туп, чтобы не видеть разницы: я рядом с Лили — как алмаз среди осколков бутылок. Для такого сравнения вовсе не нужны театральные постановки.

Поэтому перед парой я перехватила профессора у кафедры.

— Профессор Стефанис, можно вас на минуту? — он поднял глаза от бумаг, и я изобразила самую серьёзную озабоченность. — Можно, пожалуйста, вас попросить? Не могли бы вы не ставить меня в одну группу с Адамс? Видите ли, я на физподготовке случайно попала ей мячом по голове. Я, конечно, извинилась, но, кажется, Лили затаила обиду. Не хотелось бы, чтобы личные недоразумения повлияли на качество выполнения задания, которое вы нам сегодня дадите.

Сказано было безупречно: вежливо, заботливо, даже почти благородно, я даже о собственных чувствах не упомянула.

— Я вас услышал, мисс Вейл, — произнёс он сухо, снова уткнувшись в бумаги. — Ценю вашу откровенность.

Я поблагодарила его и отправилась на занятие, пытаюсь понять, что именно он имел в виду. Надеюсь, всё-таки прислушается, и не придётся терпеть Лили рядом с собой.

В аудитории я заняла место за длинным столом посреди-

не. Девчонки сразу расселись вокруг меня так, как это всегда бывало: Диана справа, Милана напротив, Вайолет слева, а Софи по диагонали. Я была центром, к которому они тянулись и под который подстраивались.

— Слушайте, — первой заговорила Милана, — моя сестра была недавно на вечеринке в клубе «Эвэ». Говорит, это просто бомба. Там такие люди бывают — политики, наследники крупнейших корпораций. Но никто не знает, кто хозяин. Только то, что это явно кто-то очень влиятельный.

— Я тоже слышала, — подхватила Софи. — Говорят, туда вообще невозможно попасть без приглашения.

— Может, отец Люциана владелец? — с заговорщицким видом спросила Диана, бросив взгляд в сторону парней. — Всё сходится: размах, деньги, связи...

Я недовольно поморщилась. «Эвэ». Слишком похоже на сокращение «Эви», которое я ненавидела всей душой.

— Да, Эвелин, Люциан тебе ничего не говорил? — вмешалась Вайолет. — Есть у тебя какие-нибудь инсайды про этот клуб?

— Первый раз про него слышу, — бросила я сухо.

Тишина повисла буквально на пару секунд — и все девчонки округлили глаза.

— Как это «первый раз»? — Софи чуть не выронила ручку.

— Да про него же вся академия говорит! — воскликнула Диана.

— Даже я знаю, — добавила Милана, — а у меня с вечеринками мягко говоря туго.

Я закатила глаза. Ну и что? Разве обязательно знать про каждый модный тусовочный сарай? У меня в этом году проблемы поважнее элитных сборищ. У меня несчастливый финал на носу! Но, судя по лицам девчонок, моё «первый раз слышу» было сродни смертному греху.

— Интересно, а хозяин клуба будет на благотворительном вечере? — мечтательно протянула Милана. — Я почти уверена, что это кто-то из выпускников «Ауруса». Ну сами посудите: такой уровень, такие гости...

Разговор плавно перескочил на бал. Девчонки загалдели, перебивая друг друга: кто какое платье заказал и какие украшения стоит подобрать.

— Эвелин, а в чём ты будешь на балу? — наконец спросила Вайолет, глядя на меня с любопытством.

— Мы с Люцианом заказали парные наряды, — сказала я небрежно. — В одном доме мод, разумеется.

Я позволила себе самодовольную улыбку, но она погасла, стоило вспомнить вчерашний разговор с Люцианом. Настроение тут же испортилось.

Я скользнула взглядом по аудитории и нашла Люциана. Он о чём-то оживлённо разговаривал со своим другом, Заком Питерсоном. Недалеко сидела Лили и слишком уж явно поглядывала на Люциана.

Я поморщилась. После того как мы с Люцианом начали

встречаться, я предлагала пересесть ближе ко мне. Но он отказал, сказав, что это будет «слишком вызывающе», мол, все и так знают о наших отношениях. Но теперь он спокойно терпит рядом с собой эту вульгарную выскочку?

Я резко отвернулась и наткнулась взглядом на Криса.

Он сидел сбоку, через несколько человек от меня, и, не поднимая головы, что-то печатал на планшете.

Интересно, а в чём он пойдёт на бал? Наверняка в чём-то дешёвом и безвкусном, у него ведь нет денег.

«Хм... может, подобрать ему костюм самой?» — мысль оказалась неожиданно очень заманчивой. Я тут же представила его в изумрудном. Да, ему бы пошло, было бы под цвет глаз. Я задержалась на этом образе, пытаюсь уловить взгляд из-под падающей на его лицо чёлки. Пришлось всматриваться внимательнее, и только тогда я заметила тёмные тени, залёгшие под глазами. Он что, плохо спит? Раньше, кажется, их не было...

Я нахмурилась, но додумать мысль не успела, дверь скрипнула, и в аудиторию вошёл профессор Стефанис.

Он подошёл к кафедре и положил на неё две стопки бумаг. — Сегодня мы начинаем работу над групповым проектом, — произнёс он. — Ваша задача: разработать прогноз по выбранному сектору экономики с учётом ключевых рисков и предложить возможные стратегии развития.

В аудитории послышались недовольные вздохи. Оно и понятно, мало кто любил подобные задания: слишком много

данных, графиков, моделей, всё это требовало времени и нервов.

Стефанис начал диктовать ключевые требования и вопросы, которые нужно будет осветить в докладах. Тут же зашуршали страницы, кто-то начал быстро печатать на планшете. Через несколько минут, разъяснив общие требования, Стефанис взял в руки одну из стопок:

— Теперь перейдём к распределению по группам. Итак, первая группа: Адамс, Дарвиль, Вейл... и Корвин. Да, давайте его добавим.

У меня внутри всё оборвалось.

«Да чтоб тебя, Стефанис! — вспыхнула я про себя. — Я же просила (вежливо просила, между прочим!) не ставить меня с этой дурой!»

Профессор между тем спокойно зачитывал списки: кто с кем, по четыре-пять человек в группе. Я пыталась слушать, но в голове стучала только одна мысль: «Ну почему именно так?».

И тут он, будто в ответ на мои немые возмущения, посмотрел на студентов:

— Я понимаю, не все в группах могут друг с другом ладить. Однако в будущей карьере вам предстоит работать в условиях куда большего стресса, чем здесь. И вы не всегда сможете выбирать только тех коллег, кто вам симпатичен. Учитесь быть беспристрастными и отделять личное от профессионального. Ожидаю от всех вас серьёзного подхода к

проекту.

Я стиснула зубы. Хотя он и не смотрел на меня, когда говорил это, но я была уверена, что обращено ко мне. Так что, получается, он нарочно это сделал? Чтобы я научилась отделять «личное от профессионального»?

Старый сухарь! Чтоб его премии лишили! Чтоб ему кофе каждый день подавали холодный и пережжённый! Нет, лучше, чтобы ему Лили помогала отчёты проверять, и без ко-та-заместителя! Вот тогда посмотрела бы я, на сколько его «беспристрастности» хватит и как он умеет отделять «личное» от «профессионального».

— Работа непростая, поэтому советую не откладывать и приступать как можно скорее. Времени у вас меньше, чем кажется. Перед Новым годом я заслушаю ваши доклады и оценю проведённые исследования, — подытожил Стефанис, а затем практически без паузы перешёл к лекции.

Студенты уткнулись в конспекты и планшеты, заскрипели ручки, зашуршали страницы.

Я тоже раскрыла тетрадь, но почти ничего не записывала. Сжимала ручку так, что она едва не треснула, и чувствовала, как внутри всё кипит.

После пары я торопилась покинуть аудиторию, настроение было испорчено, и даже разговаривать ни с кем не хотелось, но стоило выйти за дверь, как меня обогнала Лили и

перегородила дорогу.

— Ты ведь слышала, что сказал профессор Стефанис? — с ехидной улыбкой спросила она. — Чем раньше начнём, тем лучше. Работа ведь серьёзная.

— Мне кажется, или тут где-то жужжит противная муха? — произнесла я вслух, с показным вниманием уставившись на потолок и делая вид, что прислушиваюсь.

— Ну да, мухи ведь не ошибаются, — тут же не осталась в долгу попаданка. — Всегда летят туда, где воняет сильнее всего.

Она демонстративно сморщила нос.

Я уже открыла рот, чтобы поставить её на место, но разговор прервал Люциан:

— Эвелин, Лили, прекратите. Это детский сад. Стефанис ведь не зря сказал, что нужно уметь отделять личное от всего остального. Сегодня вечером встречаемся в библиотеке и распределяем обязанности по проекту.

Когда он произнёс «детский сад», взгляд задержался на мне, словно это я была тем самым ребёнком, которого нужно призвать к порядку.

Краем глаза я заметила, что и Крис подошёл поближе:

— Речь ведь о нашей группе? — сказал он. — Кажется, я с вами, так что приду. Во сколько?

Люциан бросил на него косой взгляд, а потом улыбнулся мне:

— Эвелин, это уж тебе решать, брать его с собой или оста-

вить ждать у двери.

Он развернулся и ушёл, оставив за собой ошутимое напряжение.

— Ну и кто тут «детский сад»? — процедила я.

Лили задержалась на секунду, окинула нас хмурым взглядом и тоже ушла. Хорошо хоть не за Люцианом, а в противоположную сторону, громко цокая каблуками.

Глава 10. Группа риска

После занятий я решила переодеться, ходить целый день в строгой форме было слишком утомительно. Я выбрала удобное лёгкое черное платье: ничего вычурного, но сидело оно отлично и подчёркивало фигуру. Не вижу причин прятать то, что мне дано.

Люциан сидел за длинным столом. Увидев за моей спиной Криса, он помрачнел, а когда взгляд его скользнул к моему платью, он нахмурился ещё сильнее.

— Эвелин, тебе не кажется, что такой наряд не для библиотеки? — тихо спросил он, едва я подошла ближе.

— А что не так? — я окинула себя взглядом, а затем обернулась. — Крис, как тебе моё платье?

Я крутанулась на месте, отчего лёгкая ткань красиво взметнулась.

— Очень красиво, — коротко сказал он после недолгой заминки.

Вот только я не уловила на его лице никаких эмоций: прозвучало будто из вежливости, а потому я позволила себе ещё немного покрасоваться. Чуть повела плечами, изогнулась, словно потягиваясь после долгого дня. Взгляд Криса на миг потемнел, а я наконец ощутила удовлетворение.

Ну вот, говорила же. Как ни крути: он всё-таки парень. А я — это я.

— Вот видишь, — сладко улыбнулась я Люциану. — Крис сказал, всё в порядке.

Люциан на это сжал зубы так, что побелели скулы.

— Его мнение меня не волнует, и тебя волновать тоже не должно, — холодно отрезал он, пока мы усаживались за стол. — Давай лучше распределим обязанности. Какой сектор экономики выберем?

— Может, нам стоит сосредоточиться на банковском секторе? — предложила я. — Я смогу взять реальные данные из банка моего отца. Мы покажем динамику кредитов, ставок, инвестиционных портфелей. Это будет весомо и убедительно.

— Это пахнет банальным протекционизмом, — недовольно качнул головой Люциан. — Все решат, что мы хвастаемся тем, что у нас есть доступ туда, куда другим дорога закрыта, профессор может сказать, что в этом нет личной заслуги.

— Разве плохо другим показать, что мы играем на уровень выше? Это не хвастовство, это демонстрация. Крис, как ты?..

Я даже не успела договорить, как Люциан резко перебил:

— Почему ты опять спрашиваешь его? — в его тоне звенела сталь. — Моё мнение для тебя уже не авторитет?

Я удивлённо вскинула брови. Что это с ним? Но в следующую секунду он уже откинулся на спинку стула, словно ничего не случилось, и добавил спокойнее:

— Впрочем, давайте дождёмся Лили. Надо обсудить всё

вместе.

«Можно подумать, её мнение кого-то интересует», — раздражённо подумала я. И как назло, в этот момент дверь библиотеки открылась, и вошла сияющая Лили.

На ней были дорожные джинсы известного бренда, их даже в соцсетях обсуждали, выглядели они обыкновенно, а вот ценник кусался. К ним она надела белую футболку с крупным принтом, который недавно рекламировала одна знаменитость. Ткань, если честно, была так себе, но вещь считалась ультрамодной.

В одной руке она держала папку с бумагами, в другой — бутылочку с водой.

Увидев Люциана, Лили ослепительно улыбнулась и быстрым шагом направилась в нашу сторону. Вот только едва она поравнялась со мной, как вдруг её ноги разъехались буквально на ровном месте, она нелепо всплеснула руками, и вода из бутылки выплеснулась прямо на подол моего платья.

— Ой! — глаза её округлились так, будто она сама не верила в то, что произошло. — Эвелин, прости! Я ужасно неловкая... я правда не хотела!

Я стиснула зубы, чтобы не начать сыпать ругательствами прямо в библиотеке.

— Не специально? — я приподняла брови и смерила Лили холодным взглядом. — Если уж ты такая неловкая, может, стоит хотя бы правила помнить? В библиотеку с напитками вообще-то нельзя. Но ты, конечно, исключение.

— Ты права. Я не должна была брать с собой воду, — с натянутой улыбкой отозвалась Лили. — Пойдешь переодеться, может, тогдахватишь с собой мою бутылку, чтобы выбросить? Неудобно же будет сидеть в мокром.

Хотелось сорваться, закричать, швырнуть этой «невинной дуручке» чем-нибудь прямо в лицо. Но я знала — именно этого она и ждёт. Сорвусь сейчас, и вся библиотека будет шептаться: «Ну Вейл и истеричка!».

Я сделала глубокий вдох, выпрямилась и посмотрела на Лили сверху вниз.

— Так ты облила меня, чтобы выгнать отсюда?

— Эвелин, ну ты чего, — неожиданно вступился за Лили Люциан. — Видно же, что она не специально. И она уже извинилась.

Теперь захотелось колко ответить уже Люциану. Можно подумать, я какая-то деспотичная тиранша, придирающаяся без причины! Но я лишь чуть приподняла подбородок, позволив себе улыбку.

— Что ж, в таком случае, сделаю вид, что ничего не было. А платье само высохнет.

Лили была явно недовольна моим решением остаться, но, видимо, ничего больше не придумала, чтобы меня выгнать. Я снова предложила тему банковского сектора, но Лили тут же вклинилась:

— Может, лучше взять недвижимость? Это проще и понятнее. Да и данные найти легко.

— Звучит логично, — кивнул Люциан, даже не взглянув на меня.

Я скривила губы. И откуда у него первое место в рейтинге с таким-то подходом? Или это он просто Лили поддакивает?

— Может, тогда хотя бы возьмём технологические инновации? — спокойно, но с нажимом произнесла я. — Это хотя бы не так банально.

— Поддерживаю, — неожиданно подал голос Крис.

Я даже удивилась. И пусть он говорил без особого энтузиазма, внутри у меня приятно кольнуло.

— Нужно проверить, какие есть данные, — тут же предложила Лили и наклонилась к своему планшету. Люциан подтянулся ближе к ней, почти соприкасаясь плечами.

Я поджала губы. Рядом со мной всё ещё стояла злополучная бутылка Лили. И пока эти двое увлечённо смотрели в экран, я неторопливо взяла её, как бы убирая в сторону, и одним плавным движением вылила остатки воды прямо на планшет Люциана, который лежал в стороне.

Капли растеклись по стеклу, но он ничего не заметил. Тут надо было сказать спасибо Лили и её длинным белым волосам, закрывавшим им обоим обзор.

Я поставила пустую бутылку на край стола и сложила руки на груди, изобразив идеальное безразличие.

Вот только Крис всё это время смотрел на меня. Наши взгляды встретились, я подняла палец к губам и едва заметно улыбнулась. Тот чуть прищурился, уголок рта дёрнулся, но

он ничего не сказал.

— Ну вот! — наконец громко произнесла Лили. — За последние три года — десятки тысяч заявок на патенты. Вот только половина — бесполезные игрушки и стартапы-однодневки. Какое будущее можно спрогнозировать на основании хаоса? Инновации — это красиво звучит, не спорю, но на деле тут нечего анализировать.

Я уже хотела возразить, но за меня ответил Крис:

— А по мне, патенты как раз и интересны. Да, есть много мусора, но, если отсеять лишнее, видно тенденции. Какие отрасли растут, какие загибаются. Это куда интереснее, чем рисовать график ипотечных ставок.

— Зато реальные цифры, а не просто красивые слова, — не сдавалась Лили, а затем, сделав драматическую паузу, повернулась к Люциану и певуче произнесла:

— Люциан, ты ведь главный в нашей команде. Тебе и решать.

Я едва не поперхнулась воздухом. Что? Главный? С каких это пор? Внутри у меня всё закипело. Эта выскочка смеет решать, кто у нас главный? В моей команде?!

Но Люциан... Люциан расправил плечи, и по выражению лица было ясно: такие слова ему пришлось по вкусу. Его губы тронула едва заметная самодовольная улыбка.

Но не успела я открыть рот, как Крис вдруг лениво протянул:

— Конечно, пусть Люциан будет главным. Иначе Эвелин возьмёт бразды правления, а мы все будем строем маршировать по её приказу. Тобой ведь она раньше не командовала, а, Люциан?

Что он несёт?

— В каком смысле «командовала»? — нахмурился мой парень.

— В прямом. В прошлый раз, когда я помогал ей, она заставила меня раздеться прямо в коридоре.

— Что?! — взорвалась я.

— Эвелин, что это значит?! — воскликнул Люциан.

— Да всего лишь проверка «дресс-кода», — невозмутимо добавил он. — Ты же знаешь, Люциан, твоя девушка любит... внимание к деталям.

Кровь бросилась мне в лицо. Казалось, даже кончики ушей горят. Я готова была провалиться сквозь землю и одновременно вцепиться Крису в горло.

— Эвелин! — в глазах Люциана вспыхнула ревнивая ярость.

— Это не то, что ты подумал! — вскинулась я.

— Но ведь это правда, — Крис соорудил такое невинное лицо, что можно было бы ему поаплодировать за актерское мастерство, если бы только не хотелось одновременно с этим прибить его. — Ты обожаешь, когда тебя слушаются. Неужели твой парень не в курсе... о твоих предпочтениях?

Я чувствовала, как ногти впиваются в ладони. О, я ему

такие «мои предпочтения» покажу, мало не покажется! Будет неделю сидеть в холодном поту и вспоминать, каково это — нарываться!

Тут вмешалась Лили:

— Эвелин, как ты можешь! — её голос звенел нарочитым возмущением. — Как тебе не стыдно так вести себя?

Тоже мне! Хранительница морали! Хоть бы икнула от переигрывания.

Она потянулась взять Люциана под руку, но тот мгновенно стряхнул её пальцы и шагнул ко мне.

— Нам надо поговорить. Вдвоём.

— Ревнуешь? — прищурилась я. Вопрос вырвался слишком быстро и прозвучал почти как вызов.

— Мне неприятно, — коротко ответил он.

Я вскинула подбородок.

— А мне, может, тоже неприятно, что ты с Лили тут едва не в обнимку сидел. Но я же молчу.

Люциан нахмурился, окинул стол взглядом и, судя по выражению лица, кажется, действительно понял, что сидел к Лили слишком близко. Я заметила, как он неловко отстранился, мелочь, но я всё равно ощутила удовлетворение, позволившее чуть успокоиться.

— Пожалуй, всё же пойду переодеться, — всё равно, похоже, сегодня ничего не решим.

— Я провожу тебя... — сказал Люциан, забирая свой планшет со стола, и вдруг нахмурился ещё сильнее. — Не

включается, — он провёл пальцем по корпусу, оставив мокрый след. — У меня на нём все выполненные задания и начатые курсовые...

Я изогнула губы в самой невинной улыбке:

— Ой, наверное, когда Лили облила меня, задело и твой планшет. Но ведь она извинилась, верно? Так что ничего страшного.

— Только не это... — выдохнул Люциан. — Дерьмо... Я ведь только-только восстановил все записи после того, как недавно кофе его залил. Сколько ночей потратил, чтобы перепечатать и пересобрать материалы! Я даже не помню, пересохранил ли последние файлы. И ещё заметки с лекций, половина черновиков... — он нервно провёл рукой по волосам. — И планшет новый. Я купил его всего неделю назад!

— Люциан, прости, пожалуйста, — пролепетала Лили.

— Да-да, — пропела я сладко, — Люциан, прости её. Ну подумаешь, всего лишь второй раз за этот семестр ты теряешь десятки часов работы.

Внутри вдруг что-то кольнуло, когда я это произнесла.

Я ведь знала, что значит вкалывать ночами, корпеть над каждой строчкой, над каждым слайдом. Стало вдруг так неприятно, будто я не Люциана обманула, а сама себя.

— Ничего страшного. Главное, что она не специально, да? — закончила я, ставя точку, чтобы отзеркалить то, что сказал мне Люциан до этого. Со стороны, должно быть, звучало эффектно, вот только никакого удовлетворения я не ощути-

ла.

Мне не было по-настоящему жаль Люциана; но я вдруг нелепо остро почувствовала, что мой поступок мне совсем не по душе. Это было не горькое сожаление, скорее, просто какой-то внутренний раздрай.

Нужно было срочно отвлечься, поэтому я отодвинула стул и принялась смахивать вещи со стола в сумку.

— Эвелин... — снова позвал Люциан, но я даже не посмотрела на него.

— Не утруждай себя, — я закинула сумку на плечо и повернулась в сторону выхода. — Тебе лучше сейчас с планшетом разобраться. По проекту: я сама набросаю план по теме инноваций, а потом распределим, кто что возьмёт. Ты как главный «одобришь» готовый вариант.

Я зашагала к двери. За спиной слышался приглушённый шёпот: Лили снова начала своё привычное «прости, я не хотела».

Вышла в коридор.

— Эвелин!

Я ускорила шаг, услышав Криса, но он поспешил за мной.

— Что тебе? — я обернулась так резко, что он едва не врезался в меня.

— Ты, — он не отвёл взгляда, — слишком быстро ушла.

— Я тебя с собой не звала.

— Просто у тебя платье не только спереди промокло, — добавил он извиняющимся тоном, будто сам меня и облил.

— И теперь сзади видно бельё из-за того, что ткань прилипла к коже. Не хотел, чтобы ты смущалась из-за того, что ходишь так по коридорам.

«Если бы не сказал, я бы и не знала и не смущалась!» — раздражённо мелькнуло в голове. Я дёрнула плечом и попыталась оглянуться, чтобы понять, насколько всё критично с платьем, но так ничего и не увидела. Кажется, нужно зеркало.

Тут в коридоре слышались голоса студентов, кто-то шёл в сторону библиотеки. А уже в следующее мгновение Крис подхватил меня на руки и шагнул вместе со мной к двери какой-то аудитории.

— Ты что делаешь?! Ну-ка отпусти меня, — я попыталась отпихнуть его, но Крис даже внимания не обратил, дёрнул ручку двери, та оказалась не заперта.

— Нам повезло, — сказал он и юркнул вместе со мной внутрь.

— Поставь меня немедленно! — зашипела, упираясь ладонями ему в грудь.

Крис, на удивление, сразу же подчинился.

— Тебя могли увидеть в неопрятном виде, — его голос звучал совершенно спокойно. — А ты сама говоришь, что ненавидишь слухи.

— Ну и пусть бы увидели! — я вырвалась и встала на ноги. — Ничего страшного. У меня отличная фигура, нечего стесняться. Не такое уж платье и мокрое.

Я огляделась. Мы оказались в небольшом классе, где вдоль стен стояли музыкальные инструменты: пианино, рядом в чехле лежала гитара и несколько футляров с виолончелями и альтами, у окна виднелись аккуратно убранные духовые — флейты, а на полках лежали скрипки.

С самого детства я играла на скрипке, участвовала в конкурсах и даже занимала призовые места. Играла идеально, иначе нельзя было. Каждая ошибка означала несколько дней, а то и недель «алого банта» и молчания родителей. Но, поступив в «Аурус», я решила сосредоточиться на дисциплинах, нужных будущему управленцу. Поэтому в этот класс я ни разу не заходила.

Я рассматривала блестящие деревянные корпуса инструментов, поэтому не сразу заметила, что делает Крис, слишком увлеклась неожиданными воспоминаниями. Звук дерева, царапнувшего по полу, вернул меня в реальность. Я обернулась и увидела,

что Крис взял стоявший у стены стул и бесшумно подтащил к двери, поставив под ручку, чтобы никто случайно не вошёл.

Глава 11. Ещё одна сделка

Внутри неприятно сжалось от пришедшего в голову образа: музыкальный класс, щелчок замка, поворот ключа и мои бесполезные крики.

«Прости, Эви», — отозвался в памяти детский голос того, кого я когда-то считала другом. Даже дышать стало сложнее.

«Это было давно и уже совсем ничего для меня не значит», — твёрдо сказала себе, усилием воли возвращая чувство реальности.

— Зачем ты запираешь дверь? — голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. Хорошо, нельзя показывать слабость.

— Чтобы никто не вошёл, пока ты не приведёшь себя в порядок, — Крис повернулся ко мне, сунув руки в карманы. — Тут есть вентилятор. Если снимешь платье, можно будет быстро высушить. Думаю, минут за десять высохнет.

Я уставилась на него, не веря своим ушам.

— Ты совсем спятил?

— В чём проблема? — пожал плечами Крис с той же невозмутимостью. — Практичное решение.

Я прищурилась. Одно из двух: он вообще не воспринимает меня как девушку или просто считает полной дурой, которая клюнет на любую глупость.

— У меня есть идея получше, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как внутри поднимается знакомая волна раз-

дражения. — Ты снимешь рубашку, я обвяжу её вокруг пояса и спокойно дойду до жилого корпуса.

Крис медленно кивнул, словно обдумывая моё предложение.

— Можно и так, — согласился он.

И, не отводя от меня взгляда, начал расстёгивать пуговицы.

«Уже второй раз», — мелькнула предательская мысль. Второй раз я наблюдаю, как Кристофер Корвин раздевается передо мной.

«Отвернись», — приказала себе, но взгляд словно приклеенный следил за каждым его движением.

Я правда хотела отвернуться, но не смогла. Пальцы Криса двигались медленно, методично. Одна пуговица, вторая, третья... Белая ткань открыла кожу. Я сглотнула, чувствуя, как во рту пересохло.

Когда последняя пуговица была расстёгнута, он стянул рубашку с плеч, но вместо того, чтобы отдать её мне, подошёл ближе.

Я почувствовала запах его кожи с лёгкими нотками цитрусового геля для душа, Крис обошёл меня сзади.

— Сейчас обвяжу, — его голос прозвучал прямо у моего уха, отчего по спине прошли мурашки.

Рубашка легла на мою талию, руки Криса скользнули по бокам, завязывая спереди рукава. Он стоял так близко, что я чувствовала тепло тела, его пальцы касались моего живота

через тонкую ткань платья.

— Готово, — прошептал он, но не отстранился.

Воздух в комнате стал удушливо тяжёлым. Я резко развернулась, ткнувшись спиной в его грудь.

— Жарко тут, — пробормотала и сбежала к окну. — Нужно проветрить.

Принялась дёргать ручку, но та не поддавалась. Я дёрнула сильнее, но окно, кажется, заклинило.

— Дай я, — Крис оказался рядом раньше, чем я успела возразить.

Встал за моей спиной, его рука легла поверх моей на ручке окна. От его близости сердце забилось где-то в горле.

— В этом классе окно заедает, — пояснил он. — Нужно одновременно потянуть и повернуть. Давай вместе, — прошептал он. — На счёт «три».

Мы потянули одновременно, и окно с протяжным скрипом поддалось. Прохладный воздух ворвался в аудиторию, но облегчения я не почувствовала. Наоборот, контраст с горячей кожей Криса показался ещё более острым.

Я попыталась отойти, но Крис выставил руки по обеим сторонам, фактически заключив меня между собой и подоконником.

— Крис.

— Что? — он медленно повернул меня к себе лицом.

Между нами осталось всего несколько сантиметров. Я видела каждую черту на его лице. В зелёных глазах плясали

опасные огоньки.

— Ты... — я сглотнула. — Ты слишком близко.

— Да? — его губы тронула едва заметная усмешка. — Тебе это не нравится?

Вопрос завис в воздухе между нами, тяжёлый и провокационный. Я понимала, что должна оттолкнуть его, поставить на место, напомнить, кто здесь главный. Но тело не слушалось, а в животе разливалось предательское тепло.

— Мне нужно идти, — выдохнула я.

— Конечно, — он не двинулся с места. — Только сначала ответь на вопрос.

— Какой вопрос?

Его взгляд скользнул к моим губам, он хотел что-то сказать, но тут со стороны коридора послышался шум, а затем знакомый голос крикнул:

— Лили, подожди!

Я мельком глянула на дверь. Та всё ещё была закрыта и подперта стулом.

«Что-то для музыкального класса звукоизоляция здесь так себе», — мелькнула рассеянная мысль. Судя по всему, Люциан с Лили вышли из библиотеки.

Крис тоже среагировал на звук, обернулся, и я воспользовалась заминкой. Наклонившись, юркнула под его руку напрямик к выходу. Но не успела дотянуться до стула, как сильные руки перехватили меня и прижали спиной к двери.

— Эй, — его лицо оказалось в нескольких сантиметрах

от моего, глаза опасно сверкнули. — Ты же не собираешься сейчас выйти?

— Отпусти меня, — строго потребовала я, правда, из-за того что говорить приходилось тихо, прозвучало как-то смазанно.

— Хочешь объяснять своему парню, что делаешь в запертой комнате? — голос его звучал вкрадчиво. — С моей рубашкой на талии... и со мной... без рубашки.

За дверью голоса стали громче — Люциан и Лили подошли ближе.

— Ты и так ему уже все объяснил сегодня. Всего лишь очередная проверка «дресс-кода», — съязвила я, чувствуя, как внутри закипает злость. — И да, если ты думаешь, что я оставлю без внимания твою сегодняшнюю выходку...

— Какую это? — в его тоне звучало опасное любопытство.

— Твою попытку рассорить меня с Люцианом!

Точно, вот что он вытворяет! Нарочно провоцирует, как совсем недавно в библиотеке, чтоб доставить мне проблемы. Это его такая своеобразная «месть»? Ну я ему устрою...

— А тебя волнуют его чувства? — спросил Крис, медленно склонив голову набок. — Может быть, тогда не стоило портить его планшет? Бедняжка Люциан, он так много сил вложил в свои работы... Но безжалостная Эвелин...

Слова неожиданно ударили точно в цель.

— Может быть, и не стоило, — нахмурившись, я отвела взгляд.

Внутри снова вспыхнуло это дурацкое чувство неправильности собственного поступка. Липкое, мерзкое, оно растекалось по рёбрам. Я... сожалела? Да, точно, я сожалела о том, что это сделала.

Крис молчал, изучая моё лицо, словно пытался прочесть мысли.

— Ты... — его голос вдруг стал жутким. — Жалеешь его? — Крис усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли тепла.

— Что? — я встрепенулась. — Нет, конечно.

А если бы и да, то ему-то какая разница? Люциан мой парень, разве я не могу его пожалеть?

Но он уже отстранился на полшага. Во взгляде плескалась тёмная ярость, челюсть напряглась, пальцы сжались в кулаки.

— Трогательно. Очень трогательно, Эвелин. Тратишь эмоции на парня, который открыто говорит, что ты ему нужна только для сделки? Который мечтает о ком-то «попроще»? — каждое слово он произносил медленно, смакуя. — Который единственное, чего от тебя ещё хочет, так это переспать?

Я побледнела. Откуда он это знает? Люциан действительно говорил про меня такое?

— Удивительно, — продолжал тем временем Крис с той же ледяной издёвкой. — Видимо, ты и сама себя не ценишь, раз жалеешь того, кто считает тебя временным развлечением.

ем. — Он наклонил голову, изучая моё лицо. — Хотя у тебя столько всего есть, о чём следовало бы действительно сожалеть.

Голос его стал тише, но от этого ещё более пугающим:
— Может, твоя жалость работает только в одну сторону? Только для того, кто купил тебя вместе с инвестиционным пакетом твоих родителей?

Моя рука взлетела сама собой и с резким хлопком обрушилась на его щёку. Тишина. Крис медленно повернул голову обратно, на щеке проступал красный отпечаток. Но в его глазах не было гнева, только удовлетворение.

Я выпрямилась, собираясь с духом. Что это на него нашло такое?! Кажется, я давно не ставила его на место, вот он и забылся. Если Люциан действительно говорил такое, я с ним разберусь сама.

— Послушай меня внимательно, Корвин, — произнесла холодно, возвращая себе привычную маску. — Ты, кажется, забыл, кто здесь главный, но я тебе напомню.

Крис медленно наклонил голову, губы его тронула странная, почти хищная улыбка.

— Значит, хочешь... — протянул он вкрадчиво, каждое слово звучало как обещание, — меня наказать? И как сделаешь это?

За закрытой дверью вдруг послышались голоса, видимо, Люциан и Лили остановились прямо у входа в музыкальный класс.

— Ты уже ужинала? Составишь мне компанию в столовой? — донёсся голос Люциана.

Внутри меня всё вскипело. Вот он где! Я рванулась к ним, нужно было выйти и разобраться с ним прямо сейчас. Залепить пощёчину за все эти разговоры за моей спиной, а потом уже выяснять, были ли эти разговоры вообще.

Но не успела я сделать и шага, как сильная рука перехватила меня, а ладонь Криса накрыла мой рот, заставляя замолчать.

— Тише, — прошептал он мне на ухо, прижимая к себе. — Давай послушаем.

Крис держал крепко, не давая вырваться, пока за дверью продолжался разговор.

— А Эвелин не будет против? — мягко спросила Лили.

— Перестань, — сухо отозвался Люциан. — Она же знает, что мы с тобой просто друзья. Да и к тому же... ты слышала сегодня этого Корвина.

В его голосе проскользнула уязвленность. Рука Криса чуть плотнее прижалась к моим губам.

— Он всё время ошивается около неё, ей и без меня явно весело.

Люциан ревнует меня... к Крису?

— Прости за откровенность, но я вообще не понимаю, как ты это терпишь, — тихо, но отчётливо произнесла Лили. — Пусть он и просто слуга для неё, но он всё равно парень.

— Вот и я ей о том же говорю! — воскликнул Люциан. —

Иногда кажется, что она нарочно испытывает моё терпение. Честно говоря, в последнее время у меня одни неприятности, — он тяжело вздохнул.

— Ты, наверное, так устал от всего этого... Я даже представить не могу, каково это, нести на себе такую ответственность. Быть лучшим студентом, соответствовать ожиданиям, и ещё эти отношения с Эвелин...

— Это действительно тяжело...

Отношения со мной — это для него тоже «тяжело»?!

— Но ты так достойно со всем справляешься, — продолжила Лили мягко. — Это требует невероятной силы характера. Честно говоря, я восхищаюсь тем, как ты держишься. На твоём месте многие бы уже сдались.

Она говорила именно то, что он хотел услышать. Именно так, как нужно. Умасливала его, гладила по шёрстке. Неужели Люциан сам не осознает, как фальшиво-приторно звучат её слова? Но нет, даже через дверь я почти физически ощутила, что его самолюбие буквально расцветает.

— Спасибо, Лили. Приятно, что кто-то это замечает, — в его тоне появилась теплота. — Иногда кажется, что все воспринимают меня как должное. Люциан Дарвиль, сын влиятельного отца, первый в рейтинге — ну а что ещё от него ожидать, верно?

А я разве не замечала? Разве не хвалила? А вот он, кстати, меня никогда не поддерживал! Даже слова не сказал, когда меня обвинили в списывании и затем я в одиночку доказы-

вала свои знания на пересдаче!

— Но это несправедливо, — возмутилась Лили. — Ты добился всего сам! Твои успехи — это результат твоего труда, твоего ума, твоей целеустремлённости. Фамилия не делает контрольные работы за тебя.

Угу, результат его собственного труда, но ещё и отцовских денег, вбуханных с юного возраста на персональных учителей. Каждый из нас в «Аурусе» пытается прыгнуть выше головы, просто кто-то прыгает с пола, а кто-то с личного батута.

— Именно! — с энтузиазмом подхватил Люциан. — Знаешь, ты одна из немногих, кто это понимает. И мне никак нельзя упасть в грязь лицом, особенно перед балом. Туда ведь отец приедет. Тут ещё и этот проклятый планшет...

Рука Криса всё ещё прикрывала мой рот, но я едва это ощущала. Вся моя концентрация была на голосах за дверью.

— Ох, прости, Люциан, — жалобно протянула Лили. — Я правда не хотела.

— Я знаю, — быстро и твёрдо отозвался он. — Я уже успел тебя узнать: ты не такая, чтобы кому-то навредить нарочно. Если бы это сделал кто-то другой, я бы ещё подумал. Но ты — точно случайно.

После небольшой паузы Лили тихо спросила:

— Кто-то другой... это Эвелин? Я просто... иногда замечаю, как она может язвительно задеть или сделать что-то на зло.

Вот стерва! И тут нашла повод выставить меня в дурном свете!

— Характер у Эвелин и правда... сложный, — уклончиво ответил Люциан, хотя я слышала, как он напрягся. — Но я уверен, она бы тоже не стала вредить специально. По крайней мере, мне. Я ей доверяю. Без доверия отношений не бывает. Иначе в чём смысл?

Оу... Как нехорошо получилось.

Голоса стали отдаляться, «сладкая парочка» пошла дальше по коридору. Крис медленно убрал руку с моих губ, но не отстранился. Его лицо было так близко, что я видела каждую тень в зелёных глазах. И в них плясали опасные огоньки.

— Интересный разговор, — прошептал он. — Особенно про доверие.

Внутри всё сжалось от понимания, в каком положении я оказалась.

Люциан действительно мог говорить про сделку, ведь после начала наших отношений мои родители активно начали инвестировать в компании Дэниела Дарвиля. Миллионы перетекали туда-сюда, формировались новые партнёрства, заключались выгодные контракты. Наш роман был не просто романом, он стал мостиком между двумя влиятельными семьями.

И даже если мне хочется разорвать всё к чёртовой матери после услышанного, я не могу этого сделать. Не сейчас. Не так просто. Прежде чем что-то предпринимать, нужно со-

общить родителям, чтобы они успели подготовиться, чтобы личные отношения не ударили по бизнесу.

Но это ещё не всё. Есть и кое-что посерьёзнее: проклятый сюжет этой книги. Для нашей размолвки с Люцианом пока рано. А я пока не уверена, что смогу избежать плохой концовки, если книга вдруг неожиданно станет реальностью.

— Не вздумай ему рассказывать, — выдохнула я, стараясь не показать, как сильно меня пробрало.

— А что мне за это будет? — кажется, он понял, что нащупал мою слабость.

— Чего тебе за это не будет, — отрезала я, возвращая привычный тон. — Будешь держать язык за зубами, и я сделаю вид, что сегодня ничего от тебя не слышала.

— Этого мало, — покачал головой он.

— Достаточно, — настойчиво повторила я.

— Хм... — он сделал паузу, словно обдумывая мои слова, а затем добавил: — Нет, Эвелин. Определённо недостаточно.

Я стиснула зубы. Конечно, он не упустит возможности выторговать себе что-то большее.

— Чего ты хочешь? — процедила я сквозь зубы. — Списать остаток долга? Вот ещё!

— О нет, — мягко усмехнулся Крис. — Ничего такого кардинального. Давай приостановим наш договор. Хотя бы на один день. На время благотворительного вечера.

Я нахмурилась, пытаюсь понять подвох.

— Что это значит?

— Это значит, — голос его стал вкрадчивым. — Что в тот вечер ты не будешь командовать мной. Не будешь отдавать приказы. Мы будем... равными.

В последнем слове было что-то особенное, что заставило меня насторожиться ещё больше.

— И всё? — недоверчиво переспросила я. — Просто один вечер без приказов?

— Просто один вечер, — кивнул он, но в глазах мелькнуло что-то хищное. — Что скажешь, Эвелин? По-моему, очень разумная сделка.

В вечер перед балом в столовой стоял раздражающий гул: все обсуждали предстоящее событие. Я напряженно ковыряла вилкой в тарелке, стараясь перестать нервничать, но получалось плохо. Изумрудное платье висело в шкафу, украшения подобраны: всё готово. Так почему внутри всё сжималось от тревожного предчувствия? Мы сидели нашей компанией: Милана, Софи, Вайолет, Диана и я. Ну, и ещё Крис.

Да, я снова усадила его рядом с собой! Вдруг после нашего вчерашнего уговора в музыкальном классе он решит выкинуть что-то на балу? А так все видят: я иногда позволяю ему почувствовать себя человеком и побыть на равных, но при этом он всё ещё под моим полным контролем. Крис сидел молча, методично разрезая стейк на ровные кусочки, и вообще не смотрел в мою сторону. Это отчего-то раздражало ещё больше, чем его вчерашнее наглое поведение.

Но зато в этот раз девчонки даже особо не фыркали в его сторону. А всё потому, что всё внимание на себя перетягивала Вайолет с её стенаниями:

— Это ужасно, — ныла она. — Я без пары! Как же я буду одна?

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Всё это время она мучила Зака Питерсона, то намекая ему, что согласна пойти с ним, то категорически отказывая. А теперь вдруг выяснилось, что Зак в конечном счете пригласил другую.

— Почему одна, присоединишься к кому-нибудь из нас, — мягко пыталась утешить её Диана.

— Даже если в компании, если ты без парня — то ты одна! — истерично произнесла Вайолет, размахивая вилкой с наколотым на неё куском мяса.

— У тебя же были запасные варианты? — подхватила разговор Софи, промакивая губы салфеткой. — Лоуренс с четвёртого курса, или как там его... Саймон? С которым ты ходила в прошлом году.

— У Лоуренса умерла бабка, и его на ближайшую неделю забрали родители, — поморщилась Вайолет. — Да и толку с ним идти, ходят слухи, бабка его ветви семьи ничего не оставила. А Саймон... — она дёрнула плечами. — Нет, уж лучше одной!

Милана, которая до этого молча жевала десерт, вдруг оживилась.

— А может, возьмешь у Эвелин Криса на вечер? — невин-

но предложила она. — Его приодеть, и он будет вполне ничего.

Я чуть не поперхнулась. В смысле «возьмешь»?! Да кто ей его даст! Пусть даже не смотрят в его сторону, я своим не делюсь!

— Ты издеваешься, да? — фыркнула Вайолет, демонстративно откидывая волосы назад. — Даже Эвелин не берёт его с собой на мероприятия, ответственнее обеда в столовой.

«Вот именно!» — я мгновенно ухватила за её слова, чтобы отвести их от лишних фантазий.

— Не смущайте Криса, — ядовито отрезала я. — Его нельзя брать с собой. Он в приличных местах-то никогда не был. В «Эвэ» бы его точно не пустили.

Подруги так много говорили об этом клубе последнее время, что почему-то именно он пришёл сейчас в голову.

— Я был в «Эве», — вдруг подал голос Крис.

Повисла тишина. Я медленно повернула голову к нему. Крис сидел с абсолютно невозмутимым выражением лица, но пальцы чуть сильнее сжали нож.

— Что? — первой опомнилась Милана, отложив ложку с десертом.

— Ты... в «Эвэ»? — недоверчиво переспросила Софи, прищурившись.

— Серьёзно? — протянула Вайолет, скептически разглядывая его. — Ты? В самом элитном клубе? Когда успел только?

— Летом, — коротко ответил он.

Я продолжала смотреть на него. Крис отпил воды, явно выигрывая время. Я видела, как взгляд на миг метнулся в сторону, будто он думал, что ответить. Что, уже пожалел о своих словах?

— И как тебя туда вообще пустили? — не удержалась Софи. — Это же элитное заведение. Туда не попасть просто так.

— Тем более тебе, — добавила Милана со снисходительной улыбкой. — Ты... ну... не совсем из тех кругов.

— «Не совсем»? — хихикнула Вайолет. — Он вообще не из тех кругов. Его семья же обанкротилась, все об этом знают.

— Может, ты перепутал клубы? — с показной заботой протянула Софи. — Может, это был какой-то другой «Эвэ»? Попроще? Скорее всего, ты спутал с «Эвакуатором». Знаете, тем местом на окраине столицы, где ночуют те, кого выгнали из дома. Приют для бомжей и неудачников.

Крис поднял голову, впервые за весь ужин встретившись со мной взглядом. На его лице не было упрека или обиды, но было какое-то разочарование, что ли. Словно он хотел, чтобы я увидела: весь этот разговор из-за меня. Из-за того, что я сказала, что его не пустят в приличные места.

Внутри неприятно кольнуло. Я отвела глаза первой.

«Кажется, зря я так про него сказала», — мелькнула предательская мысль, но тут же я одёрнула себя. С чего это я вообще переживаю? Он же мой мальчик на побегушках! Что

хочу, то и делаю. Хочу унизить — унижу. Хочу похвалить — похваляю. В чём проблема?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.